
Кира Роуз
ДОЧЬ ГЕНЕРАЛА.
БЕРЕМЕННА
ОТ ЛУЧШЕГО ДРУГА ОТЦА

Кира Роуз

Дочь генерала. Беременна от лучшего друга отца

«Литнет»
2026

Роуз К.

Дочь генерала. Беременна от лучшего друга отца / К. Роуз — «Литнет», 2026

— Я уже дал согласие на брак Киры и Дмитрия, — объявляет отец в микрофон на глазах у сотни гостей. Мой бокал дрожит. Я терпеть не могу этого человека и не собираюсь за него замуж. — Нет! — я выхватываю микрофон, пока отец не закончил этот фарс. — Свадьбы не будет. Я беременна. В зале повисает мёртвая тишина. — От кого? — без микрофона рычит отец-генерал, но его слышат все.Мой отец — генерал, привыкший отдавать приказы и решать судьбы. На своем юбилее он решил распорядиться и моей жизнью, публично объявив о моей помолвке. Но у меня есть тайна. Три месяца я тайно встречаюсь с мужчиной, от одного взгляда которого замирает сердце. Он старше, опасен, работает вместе с отцом... и он его лучший друг.Теперь отец в ярости и готов стереть бывшего друга в порошок. Подручные моего несостоявшегося жениха пытаются сфабриковать против нас уголовное дело. Но мой любимый мужчина уже купил кольцо и не отдаст нас никому.в тексте есть: разница в возрасте, тайные отношения, беременная героиня, сильный властный герой, интриги, очень сильная любовь ХЭ НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

© Роуз К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Помолвка, на которую меня не спросили 5
Глава 2. Я сама ухожу 8
Глава 3. Он охотился на меня? 11
Глава 4. Отец всё ещё уверен, что прав 14
Глава 5. Жених слишком много знает 17
Глава 6. Артём уже искал утечку 20
Глава 7. Невозможный вход 23
Глава 8. Наш ребёнок 26
Глава 9. Теперь обвиняют меня 29
Глава 10. Его голос 32
Глава 11. Настоящие слова. Ложный разговор 35
Глава 12. Слишком чисто 38
Глава 13. Сердце 41
Глава 14. Кто-то сидит внутри системы 44
Глава 15. Ты даже не спросил меня 47
Глава 16. До ребёнка 50
Глава 17. Сдайте удостоверение 53
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Глава 1. Помолвка, на которую меня не спросили

— Я уже дал согласие на брак Киры и Дмитрия.

Отец произносит это в микрофон, глядя прямо на меня, и сотня гостей начинает аплодировать раньше, чем я успеваю вдохнуть.

На огромном экране за его спиной всё ещё светится фотография: генерал Сергей Борисов принимает поздравления с юбилеем. Ещё минуту назад зал смеялся над старой историей Павла Лебедева о первой командировке отца. Теперь мой бокал дребезжит о край тарелки, потому что я ставлю его мимо ножки.

— Кирочка, иди к нам! — Виктор Орлов первым поднимается из-за центрального стола и хлопает так широко, словно только что заключил сделку. Его сын уже стоит возле сцены.

Дмитрий улыбается спокойно. Тёмный костюм сидит на нём без единой складки, в руке поблёскивает маленькая коробочка. Значит, знал. Они все знали, кроме женщины, которую собрались выдавать замуж.

Я ищу глазами Артёма. Он сидит за соседним столом между двумя руководителями управлений, но уже не слушает их. Пальцы лежат на белой скатерти рядом с нетронутым бокалом. Лицо остаётся спокойным — слишком спокойным для человека, с которым мы ещё утром спорили, кому первому рассказывать отцу о наших отношениях.

После юбилея, договорились мы. Вдвоём. Без гостей и микрофонов.

Артём предупреждал, что ждать больше не хочет. Я сама попросила три месяца тишины. После возвращения отец снова начал подбирать мне работу поближе к дому, звонить, если я не отвечала час, и рассуждать, какие мужчины «не для семейной жизни». Мне хотелось хотя бы ненадолго оставить наши с Артёмом отношения только нам.

Теперь отец превращает моё молчание в согласие.

— Кира, — повторяет он уже без микрофона, когда музыка становится тише. — Подойди.

Я встаю. Стул задевает край длинной скатерти, ложка падает на пол, и официант у стены делает движение ко мне. Я сама поднимаю её и кладу на стол. Эти несколько секунд нужны, чтобы перестать смотреть на Артёма и решить, что скажу отцу.

Павел Лебедев, начальник его аппарата, спускается со сцены мне навстречу. В детстве он приносил мне шоколадки в приёмную, пока отец подписывал бумаги. Сейчас Павел избегает моего взгляда.

— Он хотел как лучше, — бормочет он, придерживая проход между столами. — Не руби сразу, Кир.

— Вы тоже знали?

Павел поправляет очки и смотрит на сцену. Ответа мне хватает.

Я прохожу мимо. Телефоны уже подняты над столами, хотя юбилей закрытый. Кто-то шепчет соседу, что молодые прекрасно смотрятся вместе. От запаха сладких цветов начинает мутить сильнее. Утром врач сказала, что это пройдёт к концу первого триместра. О беременности я собиралась рассказать Артёму вечером, когда мы наконец останемся одни.

Отец протягивает мне ладонь, помогая подняться по двум ступеням. Я не принимаю её.

— Сюрприз, — говорит он тише, но микрофон ловит каждое слово. — Ты ведь жаловалась, что я совсем разучился их делать.

— Когда мне было двенадцать и ты подарил мне заранее выбранный велосипед.

По залу проходит осторожный смешок. Отец наклоняет микрофон ниже, улыбка остаётся на месте, а под глазами обозначаются жёсткие складки.

— Дмитрий давно хотел с тобой поговорить. Я решил, что семейный праздник — подходящий случай.

— Поговорить или жениться? — Я забираю у него микрофон. — Потому что о разговоре обычно предупреждают обоих.

Дмитрий поднимается на сцену. Когда-то мы вместе ходили на ведомственные ёлки, потом несколько раз ужинали уже взрослыми. После последней встречи я прямо сказала Дмитрию, что продолжения не будет, а отцу — что не хочу видеть Орлова рядом с собой.

— Кира, я понимаю, что ты удивлена. — Дмитрий останавливается на расстоянии шага и открывает коробочку. Внутри лежит кольцо с крупным прозрачным камнем. — Но мы прекрасно подходим друг другу. Наши семьи близки, мы давно знакомы. Я сделаю всё, чтобы ты была счастлива.

Он говорит мягко, уверенно, будто моё счастье уже согласовано по пунктам. За его плечом Виктор Орлов довольно кивает. Отец смотрит на меня с тем терпеливым ожиданием, которое всегда означало: сейчас Кира повозмущается, а потом поймёт, что папа прав.

— Нет, — отвечаю я.

Дмитрий ещё держит коробочку раскрытой. Аплодисменты обрываются не сразу: последние хлопки звучат по одному, неловко, и только потом в зале делается тихо.

— Ты перенервничала, — произносит отец, осторожно забирая у меня микрофон. Он уже не улыбается мне, зато улыбается гостям. — Молодые любят сначала всё усложнить. Кир, сейчас не время устраивать сцену.

Он склоняется ближе. На его кителе блестят награды, которые я помогала прикалывать перед праздником. Тогда он долго выбирал между двумя рубашками и позволил мне над ним смеяться. Я поцеловала его в щёку и пожелала ничего сегодня не командовать. Отец обещал постараться.

— Просто прими кольцо, — говорит он едва слышно. — Остальное обсудим дома.

Дмитрий вынимает кольцо. Он тоже уверен, что мой отказ продержится ровно до той минуты, пока мне не станет неудобно перед сотней людей.

Я отступаю. Каблук упирается в стойку микрофона, та качается, и отец ловит её прежде, чем она падает.

— Я не выйду за Дмитрия. Ни сейчас, ни после обсуждения дома.

— Кира, хватит. — Отец снимает микрофон со стойки и отворачивается к залу, собираясь закончить всё вместо меня. — Давайте дадим детям время...

Я выхватываю микрофон из его руки.

— Тогда придётся всё-таки устроить сцену. Я беременна.

Гул техники в колонках кажется оглушительным. Кто-то роняет бокал. Виктор Орлов медленно опускается на стул, а Дмитрий смотрит сначала на меня, потом на кольцо в своих пальцах, словно одно из двух должно исчезнуть.

— Что ты сказала?

Собственный голос звучит ровнее, чем я ожидала.

— Я была у врача. Срок шесть недель. Свадьбы с Дмитрием не будет.

— От кого? — Отец задаёт вопрос без микрофона, но его слышат все.

Я поворачиваюсь к Артёму.

Он уже встаёт. Высокий, в тёмном парадном кителе, с первой сединой у висков. На нашем втором свидании мы всё ещё не знали, что он лучший друг моего отца, а я — та самая Кира Борисова.

Артём проходит между столами. Никого не задевает, не торопится и не отводит глаз от отца. Только возле сцены на секунду смотрит на меня. В его лице нет вопроса, который страшил меня весь день. Нет сомнения, нужен ли ему ребёнок. Есть тревога за меня и злость, которую он держит так крепко, что побелел старый шрам возле подбородка.

— От меня, — говорит Артём.

Отец пятится на полшага. Так он реагировал только однажды — когда ему сообщили о гибели сослуживца. Потом разворачивается к другу.

— Ты?

Артём поднимается на сцену и становится рядом, не заслоняя меня от отца.

— Я. Мы собирались рассказать тебе сегодня.

— Три месяца, — добавляю я, пока Сергей переводит взгляд с него на меня. — И прежде чем ты спросишь: он не был моим начальником. Я работаю в независимом центре. Мы познакомились вне службы и сначала вообще не узнали друг друга.

Отец будто не слышит. Он смотрит на Артёма, с которым восемь лет проводил больше времени, чем со мной: командировки, операции, воскресные рыбалки, бесконечные разговоры в кабинете за закрытой дверью.

— Я пустил тебя в свой дом.

Артём выдерживает его взгляд.

— Кира сама пустила меня в свою жизнь.

— Не смей прикрываться ею!

Отец шагает к нему, но я встаю между ними. В зале шевелятся люди, кто-то зовёт охрану, Павел уже поднимается на сцену. Я возвращаю микрофон на стойку, чтобы никто не услышал следующего, и упираюсь ладонью отцу в грудь.

— Папа, остановись. Ты объявил мою помолвку без моего согласия. Артём хотя бы говорит о том, что выбрала я.

— Выбрала? — Сергей переводит взгляд на мой живот, пока ещё совершенно плоский под синим платьем. — Или он сделал так, чтобы выбирать было поздно?

Артём резко втягивает воздух. Я успеваю схватить его за рукав прежде, чем он ответит. Не хочу, чтобы они выясняли, кто больше меня любит, превращая меня в улику.

— О ребёнке он не знал, — говорю я. — Я сама узнала четыре дня назад.

Артём поворачивается ко мне. Впервые с тех пор, как поднялся, его спокойствие исчезает. Он смотрит на моё лицо, потом осторожно касается моей ладони, всё ещё сжимающей его рукав.

— Четыре дня?

— Я хотела сказать сегодня. Нормально. Не так.

В его кармане что-то тихо щёлкает. Артём опускает руку, вынимает маленький футляр и открывает его. Кольцо внутри совсем не похоже на орловское: тонкий ободок, тёплый золотой камень, который я однажды задержалась рассматривать в витрине.

Артём не становится на колено. Он держит футляр между нами и говорит отцу, не отпуская моей ладони:

— Я купил его неделю назад. О ребёнке я узнал тридцать секунд назад.

Глава 2. Я сама ухожу

— Кира, домой, — произносит отец, не отрываясь от кольца в руке Артёма.

Его голос тихий, привычно командный. Обычно этого хватает, чтобы люди вокруг начинали двигаться. Павел уже подаёт знак ведущему, музыка становится громче, официанты закрывают проход к сцене, а гости делают вид, что снова заняты разговорами. Только телефоны никто не опускает.

— Сергей, хватит. — Артём закрывает футляр и убирает его в карман. Он не тянет меня к себе, только становится чуть ближе. — Она сама решит, куда ей ехать.

Отец смотрит на него так, будто восемь лет дружбы можно отменить одним приказом.

— Я разговариваю с дочерью.

— А я отвечаю за себя. — Я снимаю с плеч тонкую накидку, которую отец выбрал к платью, и складываю её на спинку стула возле сцены. — Домой я сегодня не поеду.

Сергей бледнеет. За его плечом Павел наконец добирается до нас и просит дать генералу закончить вечер без нового скандала. Я замечаю, как отец выпрямляется при слове «генерал». Вернуться к гостям ему легче, чем признать, что дочь сейчас уйдёт.

— Ты пожалеешь, если примешь решение назло мне, — говорит он. — Возьми хотя бы ночь. Утром поговорим спокойно.

— Я выбрала Артёма до того, как узнала о Дмитрии. И до беременности. Ты просто впервые увидел мой выбор, потому что обычно не спрашивал.

Он открывает рот, но Виктор Орлов зовёт его со стола. В голосе Виктора уже нет праздничного радушия. Дмитрий стоит рядом с отцом, спрятав коробочку в карман, и смотрит на меня тяжело, будто я испортила принадлежащую ему вещь.

Артём ждёт у ступенек. Я сама подхожу к нему и беру за руку.

Мы спускаемся со сцены вместе.

В гардеробе пахнет мокрой шерстью и духами. Девушка за стойкой долго ищет мой номерок, хотя он зажат у меня между пальцев, и я понимаю, что она просто хочет рассмотреть нас. Артём молчит, пока помогает мне надеть пальто. Обычно он поправляет шарф, ворчит, что я снова вышла легко одетой, но сейчас спрашивает:

— Ты точно хочешь уйти со мной?

Я уже тянусь за своей сумкой.

— Я ухожу.

— Это не ответ на мой вопрос.

Я вскидываю голову. Он тут же морщится и проводит ладонью по лицу.

— Прости. Дурацкая формулировка. Я пытаюсь понять, чего хочешь ты, а звучу почти как Сергей.

От признания злость оседает. Артём не оправдывается и не обещает разобраться со всеми сам. Он стоит передо мной в расстёгнутом кителе, держит мою сумку и впервые за вечер выглядит растерянным.

— Я хочу поехать домой, — отвечаю я. — К тебе.

— Хорошо.

На улице мокрый снег липнет к ступеням. У входа толпятся курящие гости, и Артём ведёт меня к машине через боковой выход. Телефон в сумке не перестаёт вибрировать. Отец, Павел, две подруги, начальница центра. Я отключаю звук, но экран снова загорается: неизвестный номер присылает фотографию со сцены. На ней мы с Артёмом стоим рядом, а отец смотрит на нас из-за моей спины.

— Уже разошлось, — говорю я.

Артём открывает пассажирскую дверь, ждёт, пока я сяду, и только после этого забирает телефон. Он не читает сообщения, лишь переворачивает экраном вниз и кладёт в подстаканник.

— Доедем, включишь. Если захочешь.

— Ты сейчас отбираешь у меня телефон?

Он застывает с ладонью на коробке передач, потом снова подаёт аппарат мне.

— Справедливо. Возьми. Я хотел дать тебе двадцать минут тишины и опять решил за тебя.

Я оставляю телефон в подстаканнике. Снег тает на рукаве пальто, в машине тепло и пахнет его кофе. Стакан стоит в двери со вчерашнего утра: Артём всегда покупает большой и забывает допить половину.

— Двадцать минут тишины мне подходят, — признаю я.

Он заводит двигатель. Мы выезжаем с парковки, но на первом светофоре Артём сворачивает к обочине и глушит мотор. За стеклом медленно ползут красные огни, дворники размазывают снег.

— Шесть недель? — спрашивает он, повернувшись ко мне.

Я киваю. Теперь, без сцены и чужих лиц, слова даются труднее.

— Врач подтвердил в понедельник. Всё нормально. Я хотела положить снимок в тот серый конверт, который ты не любишь, потому что он слишком официальный. Потом решила, что просто скажу. Потом испугалась, что ты подумаешь...

— Что именно?

Я расстёгиваю верхнюю пуговицу пальто. В салоне слишком жарко, а ладони всё равно холодные.

— Что я тороплю тебя. Что три месяца — мало. Что тебе сорок и у тебя уже есть привычная жизнь, в которую я ворвалась вместе с детской кроваткой.

Артём долго смотрит через лобовое стекло. Он не хватает меня в объятия и не выдаёт правильную фразу сразу. Сначала снимает часы, которые давят на запястье после целого дня, кладёт их возле телефона и только потом берёт мою ладонь.

— Я купил кольцо не потому, что мне нечем заполнить привычную жизнь. — Он говорит медленно, иногда останавливаясь, будто проверяет, не врёт ли самому себе. — Я собирался завтра искать квартиру побольше. Хотел, чтобы у тебя был отдельный кабинет, потому что от моих звонков ты не можешь работать. Про детскую кроватку тогда не знал. Сейчас знаю. И да, мне страшно. Но точно не из-за того, что ты ворвалась.

— Тогда почему ты убрал кольцо?

Он проводит большим пальцем по следу от ремешка на моей коже.

— Потому что предложение после новости о ребёнке будет звучать как обязанность. Я не хочу, чтобы после нашей первой серьёзной ссоры ты вспомнила эту сцену и решила, что я женился, потому что пришлось.

— Ты же собирался сделать предложение.

Артём убирает футляр глубже в карман.

— Собирался. И сделаю. Но когда ты сможешь ответить мне, а не отцу, Дмитрию и всему залу сразу.

Я отворачиваюсь к окну, чтобы не расплакаться. Возле остановки женщина стряхивает снег с детского капюшона. Ребёнок сердится, пытается поймать её варежку зубами, и я впервые смотрю на чужую возню иначе. Через несколько месяцев у нас будет свой человек, которого придётся укутывать, успокаивать и выпускать в мир.

— Ты рад? — спрашиваю я.

Артём не отвечает слишком быстро. Наклоняется, прижимается лбом к моему виску и выдыхает так осторожно, словно боится спугнуть нас обоих.

— Очень. Я пока не знаю, как это выглядит со стороны. Внутри — очень.

Я обнимаю его первой. В машине неудобно: мешают пальто, ремень и рычаг между сиденьями. Артём тихо смеётся, когда я задеваю его подбородок, и этот неровный звук снимает последнее напряжение.

Домой мы едем молча. Не потому, что говорить нечего. Просто теперь тишина принадлежит нам.

Ключ у меня свой. Я открываю дверь, пока Артём забирает рабочий ноутбук. В прихожей стоят мои кроссовки, на вешалке — его куртка и моя зелёная косуха. В ванной моя косметика занимает половину полки. В спальне в нижнем ящике лежат футболки и бельё, а на кухне — кружка с нелепой лисой, которую Артём купил после моей жалобы, что все его чашки одинаковые.

Я говорила, что живу в собственной квартире. По документам так и есть. Но четыре ночи из семи я просыпаюсь здесь.

— Тебе нужно что-нибудь привезти? — Артём ставит ноутбук возле дивана. — Из твоей квартиры.

— Завтра. Сегодня я никуда не поеду.

Он кивает и идёт ставить чайник. Не предлагает мне лечь, не проверяет пульс и не требует срочно съесть что-нибудь полезное. Только достаёт из шкафа сухое печенье, которое держит для моих последних утренних приступов тошноты, хотя до сегодняшнего вечера называл их «странной реакцией на кофе».

— Ты знал? — Я беру печенье и сажусь за кухонный стол.

Артём прислоняется к столешнице, но улыбка быстро исчезает.

— Подозревал, что твой любимый напиток решил отомстить. Кир, мне нужно утром сообщить о наших отношениях руководству. Самому, до того как принесут запись с юбилея.

Я крошу край печенья над тарелкой, обдумывая последствия.

— Сообщай. Мы ничего не нарушили.

— Не нарушили. Но Сергей мой прямой руководитель, ты его дочь, а я регулярно бываю у него дома. Проверка будет. Возможно, формальная, возможно, неприятная.

Я доедаю печенье. Он заранее говорит о рисках, не предлагает мне лгать и не делает вид, что погоны важнее нас. Именно поэтому я оставляю свою чашку на столе, подхожу и прижимаюсь щекой к его плечу.

— Будем отвечать правду.

— Именно так.

Чайник щёлкает. В ту же секунду телефон Артёма начинает звонить, мой вспыхивает десятком уведомлений. На экране — начальница экспертного центра.

Я принимаю вызов.

— Кира, ты видела новости? — Она даже не здоровается. На заднем плане слышны чужие голоса и частые сигналы сообщений. — Видео с юбилея уже везде. Но дело не в беременности. Там выложили документы на Воронцова.

Артём ставит чашку и включает новости на планшете. Первой открывается наша фотография со сцены. Под ней крупный заголовок:

«Полковник Воронцов использовал служебные ресурсы, чтобы следить за дочерью генерала».

Глава 3. Он охотился на меня?

Под заголовком открывается таблица с моим именем.

Я увеличиваю снимок двумя пальцами. Даты, номера запросов, основания для доступа. В правом столбце везде стоит одна фамилия — Воронцов. Первый запрос сделан за одиннадцать дней до нашей встречи. Последний — вчера утром.

— Не трогай ссылку с телефона, — предупреждает Артём, уже доставая из шкафа рабочий ноутбук. — Могли прислать что угодно.

— Я открыла публикацию в приложении новостей, не вложение.

Он останавливается и коротко кивает. В другой вечер я бы съязвила, что цифровому эксперту не обязательно объяснять правила безопасности. Сейчас меня занимает строчка «уточнение текущего местонахождения объекта».

Объект — я.

Начальница всё ещё ждёт на линии. Я включаю громкую связь и кладу телефон на стол.

— Марина Олеговна, откуда документ?

— В публикации сказано, что это выгрузка из внутренней системы. Источник анонимный. Кира, журналист уже позвонил в центр и спросил, не помогала ли ты Воронцову скрывать слежку.

Чайник на плите начинает подвывать. Артём выключает его и по привычке тянется залить мою заварку, но вода попадает на стол: чашку он поставил на пол-ладони левее. Вытирает лужицу рукавом рубашки, хотя на крючке висит полотенце.

— До утра никаких комментариев, — произносит он, всё ещё возясь с чашкой. — Я сейчас зарегистрирую рапорт и передам публикацию внутренней безопасности.

Марина Олеговна кашляет в динамик. Я знаю этот кашель: так она предупреждает экспертов, которые влезают в её разговор раньше времени.

— Вообще-то я спрашивала Киру. И ещё один вопрос, полковник: вы сейчас у неё дома?

Я зажимаю рот ладонью. Смех лезет совершенно не к месту, от нервов и от того, что начальница попала ровно наоборот. Вчера вопрос о квартире означал бы только сплетню. Сегодня мой ответ уже примеряют к слову «контроль».

— Я у Артёма, Марина Олеговна. Сама приехала. Сама отвечаю на звонок. И сама утром приду оформлять всё, что потребуется.

— Вот и хорошо. К девяти. — Она сбивается, кого-то отгоняя от двери своего кабинета, затем возвращается к нам: — И ничего не удаляй. Даже если пришлют такое, что захочется вымыть телефон с мылом.

После разговора я трижды сохраняю страницу, потом замечаю, что два файла одинаковые, и ругаюсь. Делаю снимок адресной строки, записываю время, убираю материалы в отдельную папку. Артём садится на край стула спиной ко мне и набирает дежурного. В рапорте он не произносит ни слова о мести или Дмитрии — только время публикации и признаки возможной фальсификации.

— Утро поздно, — говорит он после возражения на том конце. — Публикация вышла в двадцать три сорок семь. Сейчас двадцать три пятьдесят девять. Так и запишите, пожалуйста. Да, я подожду на линии.

Я смотрю на первую дату в таблице. Тогда мы встретились на закрытой выставке по кибербезопасности. Артём был в гражданском, без сопровождающих, я пришла по приглашению центра. Мы спорили возле стенда с системой распознавания речи, потом пили отвратительный кофе и только через два часа назвали фамилии.

Он не мог искать меня по служебным базам до этого. Он даже не знал, что искать.

— Проверим оригиналы, — говорит Артём, закончив разговор.

— Ты не собираешься спросить, верю ли я тебе?

Он садится напротив и поворачивает ноутбук экраном ко мне.

— Собирался. Потом понял, что это прозвучит как требование доказать мне лояльность. Здесь картинка отчёта. Без электронной подписи, файла выгрузки и цепочки происхождения. Для проверки годится только как повод запросить настоящее.

— А для толпы этого хватит.

Артём закрывает страницу, но её заголовок уже отпечатался у меня в памяти.

— Да.

Артём не утешает меня обещанием быстро всё исправить. Мы оба знаем, что скриншот можно опровергнуть за день, а поисковая выдача будет помнить его годы.

Он открывает свой календарь. Дата первого запроса приходится на операцию в другом регионе. Артём был там девять суток. Я нахожу в переписке первое сообщение от него — уже после выставки. Мы складываем рядом два телефона, бумажный ежедневник и снимок отчёта. Домашняя кухня превращается в рабочий стол, только между заметками лежит упаковка печенья и снимок с УЗИ, который я достаю из сумки слишком поздно для красивого сюрприза.

Артём замечает белый конверт. Несколько секунд держит его за край, потом смотрит на меня.

— Можно?

Я киваю. На чёрно-белом снимке пока трудно увидеть ребёнка, но врач показала мне маленькую точку. Артём проводит по ней пальцем, не касаясь бумаги, и кладёт снимок возле часов.

— Вот ради чего сегодня стоило открыть ноутбук, — говорит он. — Остальное проверим утром.

Спать не получается. В три часа публикаций уже десятки. В одних я жертва взрослого полковника, в других — избалованная генеральская дочь, которая использует беременность, чтобы отбить мужчину у службы. К четырём Артём выключает домашний роутер и уносит наши телефоны на кухню. На этот раз спрашивает, прежде чем закрыть дверь спальни.

Утром у подъезда стоят две машины с журналистами.

Мы выходим через подземную парковку. Артём отвозит меня к центру, но не поднимается: его уже ждут во внутренней безопасности. Перед тем как я закрываю дверь, он придерживает её.

— Если кто-то предложит тебе согласовать показания, сразу прекращай разговор.

— Даже если это будешь ты?

Артём придерживает дверь машины и впервые за утро улыбается.

— Особенно если это буду я.

В центре Марина Олеговна встречает меня прямо у турникета. Здоровается, смотрит на мой живот и тут же сердится на себя за этот взгляд. Юрист уже занял переговорную и разложил на столе листы для объяснений. Первую версию хронологии я порчу: по привычке пишу время знакомства до минуты, хотя от меня просили только дату. Вторую заполняю нормально и отдельно подтверждаю, что закрытых сведений от Артёма не получала.

Без трёх минут одиннадцать секретарь приносит официальный запрос. Жалоба на Воронцова зарегистрирована, предварительная проверка начата, а картинка из статьи приложена как основание. Я переворачиваю распечатку к свету, хотя прекрасно знаю, что водяных знаков на ней нет.

— В трёх строках другой шрифт. И интервалы пляшут.

Юрист забирает у меня лист за самый угол, словно я уже собираюсь соскоблить с него тонер ногтем.

— Кир, сейчас ты заинтересованное лицо. Никаких самостоятельных экспертиз, даже на салфетке. Эту бумагу приложили, чтобы запросить оригинальные журналы, а не чтобы уволить кого-то к обеду.

Я поднимаю ладони и сажусь подальше. Он прячет отчёт в папку, но белый краешек всё равно торчит, раздражая меня.

— Самоотвод я оформила месяц назад. Он в системе и в бумажном архиве.

— Видел. Спасибо тебе из прошлого за редкий приступ здравого смысла, — отвечает юрист и наконец разряжает переговорную короткой улыбкой.

Формально от работы меня не отстраняют. Марина Олеговна просто снимает с меня текущие материалы и велит разобрать старые резервные копии. К обеду на рабочую почту приходят угрозы. Женщина с цветами на аватарке советует «открыть глаза», следующий отправитель обещает помочь избавиться от ребёнка. Я сохраняю письмо, переписываю служебный адрес в карточку инцидента и только потом успеваю наклониться над пустой корзиной.

— Так, всё, — Марина Олеговна захлопывает мой ноутбук. — Идём есть суп. Можешь ненавидеть меня по дороге.

К шести суп остаётся во мне, что уже можно считать успехом. Артём приезжает с расстёгнутым воротом рубашки и щетиной, которой утром не было. Он здоровается с начальницей, замечает контейнер на моём столе и всё равно спрашивает:

— Ты ела?

Марина Олеговна медленно поворачивает голову. Артём ловит её взгляд и поднимает ладони.

— Просто вопрос. Без полномочий и последствий.

— Ела. Меня принудили супом. — Я беру свою папку. — Что у вас?

В переговорной юрист закрывает дверь и только тогда Артём садится. Ему разрешили назвать общую часть: записи о запросах в официальной системе существуют. Их ещё проверяют, полные журналы только выгружают, поэтому установить устройство для большинства событий пока нельзя.

Марина Олеговна крутит крышку от бутылки, не открывая её.

— То есть картинка из статьи врёт, но события настоящие?

— Картинка ничего не доказывает. В системе есть события с моей учётной записью. Кто их создал — вопрос открытый.

Он смотрит на меня, не пряча продолжение. Я подвигаю стул ближе к столу.

— А запрос до выставки? Тот, когда ты был в другом регионе.

Артём вынимает из папки копию уведомления и прижимает пальцем нижнюю строку.

— Его выполнили с моего рабочего терминала.

Глава 4. Отец всё ещё уверен, что прав

— С твоего рабочего терминала, — повторяю я, пока буквы не теряют смысл.

Артём забирает уведомление и прячет в папку. В переговорной нельзя обсуждать больше, чем ему разрешили, а за стеклянной стеной сидят мои коллеги. Кто-то притворяется занятым монитором, кто-то уже откровенно смотрит на нас.

— Терминал опечатают и исследуют, — говорит он. — Камеры, пропускная система, журналы входов. Всё, что должно быть проверено.

— А до этого?

Артём убирает уведомление в закрытую папку.

— До этого я продолжаю исполнять обязанности с временными ограничениями. Ты едешь домой и спишь.

Я приподнимаю брови. Артём устало трёт переносицу.

— Предлагаю, — исправляется он. — Очень настойчиво.

Мы уезжаем вместе. У подъезда журналистов уже нет, зато на двери приклеена распечатанная фотография с юбилея. На моём лице чёрным маркером написано «жертва», на лице Артёма — «охотник». Он снимает лист, складывает изображением внутрь и выбрасывает только дома.

Ночью мы всё-таки спим. Утром Артём уезжает раньше семи, оставив записку возле кофемашины: «Не разбудил. Ключи от второй машины в ящике. Решай сама». Последние два слова подчёркнуты, и я невольно улыбаюсь.

Улыбка исчезает, когда раздаётся звонок в дверь.

На экране домофона — отец. Он стоит один, без водителя и Павла, в тёмном пальто поверх формы. Я могла бы не открыть, но тогда он простоит у подъезда под камерами до возвращения Артёма. Нажимаю кнопку.

Сергей входит в квартиру и сразу замечает мои туфли, пальто, сумку с ноутбуком. Потом — чашку с лисой на столе и медицинский конверт рядом с ней. Вчера он видел наши отношения как проступок лучшего друга. Сейчас впервые видит, что у нас есть жизнь, куда его не приглашали.

— Чай? — спрашиваю я.

— Нет. Нам нужно поговорить.

Я прохожу мимо него к чайнику.

— Тогда я налью себе.

Я ставлю чайник, потому что не собираюсь стоять перед ним по стойке смирно. Отец снимает пальто, но не садится. Осматривает кухню, задерживается на мужской рубашке, которую я вчера бросила на спинку стула после глажки.

— Ты здесь давно живёшь?

— Несколько ночей в неделю. Последние два месяца.

Отец проводит большим пальцем по краю стола, не поднимая головы.

— И врала мне.

— Ты спрашивал, где я ночую? Или считал, что в двадцать четыре года я обязана докладывать сама?

Отец отодвигает стул и наконец садится. Он выглядит старше, чем на юбилейных фотографиях: небритый подбородок, лопнувший сосуд в левом глазу. Я ставлю перед ним чай, хотя он отказался, и занимаю место напротив.

— Пока идёт проверка, не делай новых публичных заявлений, — начинает он. — Не давай интервью, не объявляй о свадьбе, не связывай свою профессиональную репутацию с защитой Воронцова. Дождись фактов.

— Звучит разумно. Почти.

Сергей наконец делает глоток и тут же ставит чашку: чай ещё слишком горячий.

— Что значит «почти»?

— Ты опять пришёл объяснить, что мне делать. Даже не спросил, как я.

Сергей берёт чашку, но не пьёт. От пара запотевают очки, и он снимает их, хотя обычно не позволяет себе таких неаккуратных жестов при разговоре.

— Как ты?

— Теперь этот вопрос звучит как выполненное требование.

Он кладёт очки на стол.

— Я не умею говорить с тобой, когда ты всё превращаешь в обвинение.

— А я не умею спокойно слушать человека, который позавчера пытался выдать меня замуж перед сотней гостей.

Отец дёргается, будто я толкнула его. Он быстро надевает очки и смотрит в окно. Во дворе кто-то чистит снег с машины, скребок неприятно визжит по стеклу.

— Я не заставлял тебя выходить замуж в тот же вечер. Дмитрий сделал предложение. Ты могла ответить позже.

— Ты объявил, что уже дал согласие. Знал, что я не хочу Дмитрия, и всё равно поставил меня перед людьми.

Он надевает очки и вытирает со стекла пар салфеткой.

— Ты говорила, что он тебе неинтересен. Я думал, ты просто не дала ему шанса.

В его формулировке всё ещё нет меня. Есть Дмитрий, которому недодали шанс, и отец, решивший исправить несправедливость.

— После последнего ужина я сказала: «Папа, я не хочу отношений с Дмитрием». Дословно. Что ещё надо было добавить?

Сергей морщится. Он помнит разговор. Тогда уткнулся в телефон, сказал, что я слишком быстро сужу людей, и спросил, понравился ли мне десерт.

— Он подходил тебе, — произносит отец уже тише. — Спокойный, образованный, из семьи, которую я знаю. Не ездит первым в дверь, за которой может быть вооружённый человек.

— Зато знает, когда мне объявят предложение, и не считает нужным получить согласие заранее.

Отец отодвигает нетронутый чай.

— Публичность была ошибкой, — выговаривает он с трудом. — Но сам выбор...

Я отодвигаю чашку. Чай горчит, хотя я забыла положить заварку и сделала его совсем слабым.

— Сам выбор тоже был не твоим. Пап, ты можешь опасаться Артёма. Можешь считать разницу в возрасте огромной. Но ты выбрал мне другого мужчину и назвал это заботой.

Сергей встаёт. Несколько секунд я думаю, что разговор закончен, но он подходит к окну и касается пальцами подоконника, где Артём оставил маленький горшок с базиликом. Отец сам подарил ему этот базилик весной, когда они вместе жарили мясо у нас на даче.

— Я доверял ему, — говорит он. — Больше, чем кому-либо в управлении.

— Он не предал тебя служебно. Он полюбил меня.

Сергей поворачивается от окна, и базилик остаётся между нами на подоконнике.

— Ты за три месяца уже называешь это любовью?

— А ты после нескольких устроенных ужинов назвал Дмитрия моим женихом.

Отец оборачивается. В прежних ссорах он повышал голос, я хлопала дверью, а через день мама звонила из санатория и мирила нас по телефону. Сейчас он сдерживается, потому что квартира чужая и в коридоре могут слышать соседи. Я тоже не хочу кричать. От крика он защищается приказами.

— Проверка может оказаться тяжёлой, — произносит Сергей. — Запрос с терминала Воронцова реален. Если выяснится, что он собирал о тебе сведения, ты сможешь признать ошибку?

— Смогу. А ты сможешь, если выяснится обратное?

Он не отвечает. Берёт пальто, но возле двери всё-таки останавливается.

— Я прошу только одного: не делай необратимых шагов, пока мы не знаем правду.

— Мой ребёнок уже необратимый шаг. И я не собираюсь вести себя так, будто его отец виновен, пока кто-то не докажет обратное.

Сергей застёгивает пальто не с той пуговицы, замечает и начинает заново. В этом маленьком сбое больше растерянности, чем во всех его словах.

— Береги себя, Кир.

— Я стараюсь.

Отец уходит. Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной, позволяя себе выдохнуть. Через минуту звонит Артём. Он спрашивает, приезжал ли Сергей, но не требует пересказать разговор. Сообщает, что камеры за нужную дату уже изымают, а рабочий терминал отключён от сети.

Я едва успеваю закончить вызов, когда на экране появляется имя Дмитрия.

Сбрасываю. Он звонит снова. На третий раз принимаю и включаю запись разговора — приложение предупреждает обоих участников коротким сигналом.

— Зачем звонишь?

— Узнать, как ты. — Дмитрий произносит это почти ласково. — После того, что обнаружили по терминалу сорок семь, ты всё ещё ночуешь у Воронцова?

Я не отвечаю. В официальном уведомлении, которое показывал мне Артём, номер терминала был закрыт. В публикации его тоже нет.

— Откуда ты знаешь, что это терминал сорок семь?

Дмитрий замолкает.

Глава 5. Жених слишком много знает

В трубке слышится музыка и негромкий стук посуды. Дмитрий молчит долго, потом спрашивает с раздражением:

— Ты записываешь разговор?

— Приложение предупредило. Если тебе нечего скрывать, продолжай.

— Вечно ты делаешь вид, что проводишь экспертизу. Я позвонил узнать, нужна ли помощь.

Он говорит громче музыки, но уходит от моего вопроса. Я открываю заметки и ставлю возле номера терминала время звонка. Не расследую дело — сохраняю разговор, участницей которого являюсь.

— Встретимся завтра в час в «Севере», — предлагает Дмитрий. — Там людно, раз ты теперь меня боишься.

— Я тебя не боюсь. И слушать, как ты поливаешь Артёма, не собираюсь.

— Запись его голоса ты тоже слушать не станешь?

Связь обрывается. Я ещё несколько секунд держу телефон возле уха, затем сохраняю файл и сразу отправляю копию юристу центра и Артёму. Никаких ночных догадок между нами больше не будет.

Артём перезванивает из машины. По шуму поворотника я понимаю, что он как раз выезжает со служебной стоянки.

— Ты согласилась на встречу?

— Пока нет. — Я прохожу на кухню и ищу ручку среди чеков. — Но соглашусь. В людном месте и под запись. Хочу услышать, как он объяснит номер терминала.

В трубке продолжает щёлкать поворотник. Артём уже давно должен был выехать со стоянки, но то ли остановился, то ли забыл выключить сигнал.

— Мне эта встреча поперёк горла, — наконец говорит он.

— Сейчас последует предложение запереть меня дома?

— Нет. Пока выбираю между париком за соседним столом и официантом с накладными усами.

Я роняю ручку под холодильник и, присев за ней, всё-таки смеюсь. Артём тоже, но первым становится серьёзным.

— Кир, отправь юристу место и время. Ничего не открывай на устройствах Дмитрия и не бери у него накопители. Если начнёт давить — уходи. Я знаю, что ты сама это понимаешь. Мне надо было сказать вслух.

— Теперь сказал. Парик отменяется.

Вечером мы записываем разговор по памяти. Я дважды переставляю фразы местами, Артём просит оставить только то, в чём уверена. Файл уходит юристу и в службу проверки. Больше мы встречу не обсуждаем, но утром в такси я нахожу в сумке его внешний аккумулятор. Возвращать не буду. Места он почти не занимает, зато очень узнаваемо ворчит за Артёма.

Перед сном я всё-таки спрашиваю, что будет, если Дмитрий действительно покажет запись. Артём лежит рядом, подложив ладонь под голову, и перебирает в памяти наши разговоры. Да, он просил не рассказывать Сергею раньше юбилея — после того как я сама настояла на отсрочке. Да, однажды сказал: «Пока молчи и делай, как договорились», когда я хотела признаться отцу по телефону после ссоры. Вырванная фраза прозвучит отвратительно.

— Я не хочу оправдываться за каждое слово, сказанное тебе дома, — говорит он. — Но если запись появится, придётся объяснить контекст.

— Объясним. Вместе.

Я ставлю будильник и кладу телефон экраном вниз. От мысли, что кто-то перебирает его голос по кускам, хочется проверить все наши сообщения. Не делаю этого. Утром мне нужна ясная голова, а не ещё одна бессонная ночь.

«Север» находится в бизнес-центре напротив старого городского суда. В обед здесь шумно: ложки звенят о тарелки, у стойки ждут свободный стол, из открытой кухни пахнет печёным хлебом. Дмитрий выбрал место у окна, на виду у всего зала. На нём серый свитер вместо привычного костюма, и от этого он выглядит моложе. Почти тем парнем, с которым мы когда-то спорили на ведомственных ёлках из-за последней мандаринки.

— Думал, не придёшь, — говорит он, поднимаясь.

Я не позволяю отодвигать мне стул и сажусь напротив. Кладу телефон возле салфетницы экраном вверх.

— Разговор записывается. Ты это знаешь.

— Знаю. — Дмитрий опускает ладони на стол. — Я не преступник, Кира.

— Тогда откуда номер терминала?

Официант приносит ему кофе, мне — заказанную Дмитрием воду с лимоном. Я прошу заменить её обычной водой. Кислый запах с утра вызывает тошноту, а он даже не вспомнил, хотя два дня назад предлагал жениться на беременной женщине.

Дмитрий ждёт, пока официант уйдёт.

— Отец сказал. Он входит в руководство, ему докладывают о громких проверках.

— Виктор Сергеевич не ведёт эту проверку.

— У него есть коллеги. Люди разговаривают. Ты же не думаешь, что служебный номер — государственная тайна?

Он берёт чашку и отпивает слишком быстро, обжигается, но ставит её бесшумно. Ответ приготовлен заранее, а вот мой следующий вопрос — нет.

— Зачем твоему отцу узнавать номер рабочего места Артёма?

— Чтобы понять, насколько всё серьёзно. — Дмитрий откидывается на спинку стула. — И серьёзно, Кир. Ты защищаешь мужчину, который искал тебя в базе до знакомства. Он старше на шестнадцать лет, работает с твоим отцом, умеет давить так, что человек ещё благодарит за приказ. Ты правда уверена, что ваши случайные встречи были случайными?

— В отчёте одна встреча. И она поддельная.

— Событие есть в системе.

От этой фразы становится неприятнее, чем от прямого обвинения. Дмитрий знает уже не пересказ из публикации. Ему сообщили результат первичной проверки, и он уверен, что я не смогу доказать источник.

— Кто рассказал тебе о внутреннем событии?

Он поднимает чашку, но кофе закончился. Несколько секунд рассматривает тёмный след на дне.

— Я пытаюсь тебе помочь. Откажись от громких заявлений, скажи, что была потрясена на юбилее. Воронцов сам разберётся со своей службой. Твоя работа останется в стороне.

— И что получишь ты?

— Нормальный разговор без крика и микрофонов. — Дмитрий подаётся ближе. — Я готов забыть ту сцену. Беременность тоже не делает тебя для меня чужой. Можно решить всё достойно.

Мне приходится переспросить:

— Что именно решить?

Он смущается всего на мгновение. Затем расправляет салфетку возле пустой чашки, как будто разговор идёт по его плану.

— Тебе сейчас нужен человек без боевых выездов и комиссий. Отец был прав хотя бы в одном: Воронцов опасен. Он уже тянет на дно твою карьеру. Я могу остановить публикации, поговорить с нужными людьми, помочь центру пережить скандал.

— В обмен на что? На согласие выйти за тебя с ребёнком Артёма?

За соседним столом женщина перестаёт листать меню. Дмитрий замечает её и понижает голос.

— Не передёргивай. Я говорю, что не отвернусь от тебя. А Воронцов однажды уйдёт на операцию, и ты будешь считать часы. Если вернётся. Тебе этого хочется?

Я встаю. Он не знает, что отец боится ровно того же, но слова звучат слишком похоже, чтобы быть случайными. Один мужчина заранее выбрал мне мужа, второй предлагает сменить отца моего ребёнка, потому что так безопаснее.

— Разговор окончен. Запись и твои слова о публикациях получит следствие.

Дмитрий тоже поднимается. Не хватает меня за руку, не загораживает дорогу — он слишком хорошо воспитан для грубого давления. Только произносит мне вслед:

— Ты всё равно услышишь файл сегодня вечером. И тогда сама попросишь меня помочь.

Я оборачиваюсь возле стойки. Вокруг нас люди расплачиваются, торопятся на работу, выбирают десерты. Именно поэтому я пришла сюда: Дмитрию приходится улыбаться, даже когда злость проступает в голосе.

— Что за файл?

Он берёт со стола телефон.

— Запись его голоса. На ней Воронцов объясняет тебе, почему об отношениях должен молчать даже твой отец.

Глава 6. Артём уже искал утечку

— Отправлять мне ничего не смей, — предупреждаю я.

Дмитрий усмехается и убирает телефон в карман.

— Мне и не придётся. Скоро её услышат все.

Я выхожу из ресторана, вызываю такси и прямо под козырьком звоню Артёму. Он отвечает после первого гудка. Ветер гонит по тротуару снежную крупу, двери бизнес-центра хлопают за спиной, но ждать спокойного места я не собираюсь.

— Дмитрий знает о записи с твоим голосом. Говорит, там ты требуешь скрывать отношения от отца. Ещё он предложил остановить публикации, если я позволю ему «помочь».

Артём не перебивает. Я пересказываю встречу по порядку, включая объяснение про отца и служебный номер. Только после этого он спрашивает, где я.

— У «Севера». Еду в центр.

— Я встречу тебя там через сорок минут. Нужно поговорить с тобой и Мариной Олеговной. Есть часть истории, которую я не связывал с нынешней атакой. Теперь придётся.

— Какая часть?

— Не по телефону, Кир.

Его осторожность на этот раз не раздражает. Я отправляю запись встречи юристу, сажусь в такси и всю дорогу смотрю, как приложение загружает файл на защищённый сервер. Только после отметки «получено» убираю телефон.

В центре Артём появляется без формы. На нём тёмная водолазка и пальто, на волосах тает снег. Марина Олеговна освобождает переговорную, юрист включает протоколирование. Артём кладёт на стол копию служебной записки с номером и датой, сделанной четыре месяца назад — ещё до нашей встречи.

— Я проверял несколько утечек, — начинает он. — Небольших по объёму, но системных. Информация появлялась у людей, которые не должны были о ней знать.

— Какая информация? — Марина Олеговна не берёт записку, пока юрист не кивает.

— Расписания перемещений, внутренние ориентировки, фрагменты сводок. Каждый эпизод можно было объяснить человеческой болтовнёй. Вместе они образовали закономерность.

Артём раскрывает второе приложение. Фамилии и адреса закрыты, но последовательность видна. Служебную встречу перенесли в гостиницу, а через пять часов неизвестный абонент написал посреднику точное название зала.

— Никто не пострадал? — спрашиваю я.

— В этих эпизодах — нет. Встречу отменили. Каждый случай списывали на разговоры сотрудников, пока не повторился временной рисунок.

Марина Олеговна листает таблицу, считая интервалы ручкой.

— Полтора часа, сорок минут, почти сутки... Интервал разный.

— Зато перед каждым событием открывалось окно обслуживания. Само по себе оно ничего не доказывает. В больших системах обслуживание идёт постоянно. Мне нужно было понять, совпадают ли люди, узлы или подрядчики.

Я читаю дату первого события. В это время жила в другом городе и готовилась к аттестации. Нынешняя травля выросла из чего-то, начавшегося задолго до нас.

— Что объединяло эпизоды?

Артём поворачивает ко мне лист. В таблице отмечены периоды технического обслуживания.

— Они происходили возле сервисных окон. Иногда за час до, иногда в течение суток после. Я передал Сергею предварительную записку и попросил не расширять круг, пока мы не исключим совпадение.

Юрист перечитывает адресатов внизу.

— Кто знал о записке?

— Я, Борисов и Павел Лебедев. Полную таблицу составлял сам. Павел регистрировал документ и готовил для Сергея материалы к совещанию.

Мне вспоминается Павел на юбилее — шоколадки из детства, его «не руби сразу» и глаза, отведённые от меня. Подозревать его только из-за доступа было бы слишком легко. Но теперь я понимаю, почему Артём не рассказывал раньше: он не имел права делиться незавершённой служебной проверкой даже со мной.

— А технические специалисты? — Я возвращаю ему лист. — Кто-то должен был выгружать для тебя журналы.

— На первом этапе я смотрел только графики обслуживания и время утечек. Полные журналы должна была запросить внутренняя безопасность, если совпадение подтвердится. До этого не дошло: после записки два месяца ничего не происходило.

— А потом появилась я, — говорю я. — И отчёт о якобы сделанных тобой запросах.

Артём качает головой, останавливая слишком удобный вывод.

— Потом кто-то создал отчёт и действия от моего имени. Связь с утечками ещё надо доказать. Тебе сейчас особенно важно не достраивать мост между фактами, если у нас есть только две доски.

Я вычёркиваю из своих заметок слово «связано» и пишу «возможное совпадение». Он замечает, но не улыбается. На этот раз поправка слишком серьёзная.

— Дмитрий вполне мог услышать номер от отца, — говорит Марина Олеговна и тут же зачёркивает свою пометку. — Нет, стоп. Это тоже догадка. Виктор Орлов сидит высоко, однако проверку ведут без него. Кто понёс ему свежие детали?

Артём тянется за своей копией, но юрист придерживает лист ладонью: сначала надо закончить протокол.

— Не знаю. И пока не узнаем, Орлов здесь только фамилия человека, которому могли что-то пересказать.

Я пытаюсь записать: «Атака нужна, чтобы убрать Артёма от утечек», — и ломаю грифель. Получается слишком гладко. У нас есть старая записка, странный интерес Дмитрия и поддельные действия. Между ними пока пустые клетки.

— Всё равно удобно, — говорю я, вытряхивая обломок из точилки. — Человек начал искать утечки, а потом вдруг оказался охотником за генеральской дочерью.

— Удобно, — соглашается Артём. — Поэтому и хочется сразу соединить. Не надо. Дмитрий мог раздобыть служебные сведения ради личной мести. Настоящая утечка могла возникнуть отдельно. Я сам четыре месяца не мог доказать связь между теми эпизодами.

Юрист вписывает время передачи записки и разворачивает ко мне отдельный лист. В нём указано, что я видела только обезличенные строки, разрешённые для объяснения угрозы, и доступа к закрытым приложениям не получала. В третьем абзаце пропущено «не». Я молча возвращаю бумагу.

— Хорошо, что читаете, — бурчит юрист, исправляя фразу. — А то потом оба будем доказывать, что именно вы подписали.

Копию старой записки приобщают к проверке уже без меня. Служба безопасности сопоставит сервисные окна с действиями под учётной записью Артёма. Мы выбираемся из центра после девяти и по дороге покупаем ужин. Дома он ставит контейнер с овощами в микроволновку прямо с бумажной крышкой.

— Стой. Там фольга по краю.

Артём щурится на упаковку, находит блестящую полоску и отдаёт контейнер мне.

— Служба спасения ужина вовремя прибыла.

— Ещё немного — и твоя проверка расширилась бы до умышленного поджога кухни.

Едим из коробок: тарелки остались в посудомойке. Он ругает соседа за два занятых места, я — архивные копии. Потом Артём освобождает мне полки в шкафу, складывает носки так плотно, что ящик не закрывается. Мы вдвоём толкаем упрямую дверцу и смеёмся громче, чем она того заслуживает.

В одиннадцать ему звонит дежурный.

Артём слушает, присев на край кровати. Я сразу понимаю, что случилось что-то серьёзное: он не задаёт вопросов, только просит повторить время и название массива.

— Новый вход? — спрашиваю я, когда он отключается.

— Под моей учётной записью. Двадцать две сорок восемь.

В это время мы стояли в магазине. Я выбирала йогурт без запаха клубники, Артём спорил с кассиром из-за дважды пробитого пакета. Камеры видели нас обоих, банковская операция осталась в приложении.

— Значит, у тебя есть алиби.

— Есть. Но вход настоящий для системы. Авторизация прошла, запрошен материал, потом сессию закрыли штатно.

Я пересылаю чек на защищённую почту, затем вспоминаю о камерах и звоню администратору магазина. Он сначала принимает меня за мошенницу и отказывается что-либо сохранять. Приходится попросить только не перезаписывать архив до официального запроса. Артём тем временем сообщает дежурному номер чека и точный кассовый ряд.

— Мы были там с двадцати двух тридцати девяти до пятидесяти четырёх, — говорю я, сверяясь с приложением такси и оплатой. — Вход в систему попадает внутрь этого окна.

— Именно поэтому мне звонят, а не приезжают с наручниками. Но учётная запись скомпрометирована. До выяснения я не имею права входить ни в одну систему.

Он отсоединяет служебный телефон от домашней сети и кладёт его в отдельный пакет. Я подписываю время на клейкой ленте. Это не официальный осмотр, но так мы хотя бы не добавим к ночи ещё один спор о том, что происходило с устройством.

Артём уже натягивает свитер. Я подаю ему телефон и открываю чек из магазина, чтобы сразу сохранить время. В дверях он останавливается, возвращается и касается губами моего лба.

— Закрой дверь. Я позвоню, как только смогу.

— Какой материал украли?

Он медлит. Плохую новость пытается уложить в слова, которые разрешено произнести.

— Папку, связанную с моей предварительной проверкой утечек.

Глава 7. Невозможный вход

— Я еду с тобой.

Артём уже взялся за ручку двери, но оборачивается.

— Тебя не пустят в технический контур.

— Меня и не надо туда пускать. Я свидетель твоего алиби и могу передать чек, время такси, разговор с магазином. Или ты предлагаешь утром собирать всё заново?

Он смотрит на пакет со служебным телефоном, потом на меня в домашних брюках и тонком свитере.

— Предлагаю хотя бы надеть тёплые носки. В машине холодно.

Через пять минут мы спускаемся в паркинг. Чек я кладу в прозрачный файл, телефон с перепиской несу отдельно. По дороге Артёму звонят ещё дважды. Сначала подтверждают, что спорная сессия открыта с действующими реквизитами. Потом сообщают: в здании управления в это время его пропуск не использовался.

Внутренняя безопасность занимает первый этаж старого корпуса. Ночью здесь горит половина ламп, из автомата в коридоре пахнет горелым кофе. Нас встречает дежурный следователь, забирает пакет с телефоном и разводит по разным кабинетам. Правильно. Алиби перестанет чего-то стоить, если мы будем отвечать вместе.

Мои объяснения занимают сорок минут. Где стояли в магазине, кто выбирал продукты, почему сохранился чек, когда администратору позвонили насчёт камер. Следователь просит показать переписку с Артёмом за нужный промежуток. В двадцать два сорок семь я прислала ему фотографию двух упаковок йогурта с подписью: «Выбирай. Ошибка будет жить с тобой до утра». Он ответил снимком корзины из соседнего ряда.

— Романтика, — замечает следователь, переписывая время.

— Три месяца отношений. Всё лучшее уже сказано.

Он хмыкает и просит переслать оригиналы. Затем задаёт вопрос о старой записке Артёма. Я сообщаю только то, что разрешено протоколом центра: видела обезличенные строки во время официальной встречи. Фамилий, адресов и содержимого похищенной папки не знаю.

После объяснений меня оставляют ждать в коридоре. Артём проходит мимо в сопровождении сотрудника, не останавливается, только замечает у меня в руке стакан из автомата и качает головой. Я всё равно пью. Кофе похож на тёплую воду с запахом пластика, зато помогает не уснуть.

К трём часам приезжает администратор магазина и привозит копию записи. На экране мы с Артёмом попадаем сразу в две камеры: он спорит возле кассы, я возвращаюсь к холодильнику, потому что взяла кефир вместо йогурта. В двадцать две сорок восемь мы оба видны в одном кадре.

— Вопрос физического присутствия закрыт, — говорит следователь. — К терминалу Воронцов не подходил.

Его коллега, мужчина в мятой рубашке, проводит пальцем по распечатке системного события.

— А система утверждает обратное. Она приняла пароль, второй фактор и активный сертификат. Сессию открыли штатно, без грубого взлома.

Он разворачивает монитор так, чтобы я видела только разрешённую часть журнала. В одной колонке отмечено рабочее место Артёма, в другой — удалённый служебный процесс, завершившийся незадолго до авторизации. Метки времени идут ровно, контрольные суммы сходятся. Следователь просит техника не делать выводов при свидетеле, и тот раздражённо закрывает окно.

— Подмену записи исключили? — успеваю спросить я.

— Пока исключили только простой монтаж выгрузки, — отвечает следователь. — Оригинальный журнал содержит событие. Как оно туда попало, установит экспертиза.

Этого достаточно, чтобы ночь стала хуже. Артём физически не входил, однако система не считает событие фальшивым. Кто-то умеет пользоваться ею так, что обычная проверка видит законного сотрудника.

Меня просят выйти. Я не спорю: дальше сведения, к которым не имею отношения. В коридоре появляется отец. Он тоже приехал без водителя, с папкой под мышкой и серым от бессонной ночи лицом.

— Что ты здесь делаешь?

— Давала объяснения. Подтвердила алиби Артёма.

Сергей садится через два стула от меня. Мы смотрим на закрытую дверь, за которой его лучший друг отвечает на вопросы о краже. О вчерашнем разговоре не упоминаем.

— Камеры магазина подтвердили? — спрашивает отец.

— Да. И оплата. И такси.

Он кивает, прижимая папку к колену. В ней, вероятно, материалы старой записки и допуски, которые запросило следствие.

— Тогда почему тебя не отпустили домой?

— Отпустили. Я жду Артёма.

Сергей хочет возразить, но останавливается. Достаёт из кармана шоколадный батончик и протягивает мне. Наверное, купил в том же автомате. В детстве он всегда привозил такие после долгих дежурств, и я по глупости верила, что на секретной работе генералам платят шоколадом.

— Спасибо.

— Тебя тошнит от шоколада?

— Пока только от кофе и лимона. Список растёт.

Он чуть улыбается и впервые спрашивает о беременности без злости на Артёма. Я рассказываю, что завтра у нас совместный приём. Отец тут же хмурится, услышав «у нас», но ничего не говорит.

К рассвету его вызывают внутрь. Артём выходит ещё через час. От усталости медленнее надевает пальто и дважды проверяет карманы, прежде чем найти ключи.

— Домой? — спрашиваю я.

— Сначала отвезу тебя. Потом вернусь.

— Зачем?

Он показывает уведомление: его учётная запись заблокирована, служебные устройства изъяты. Но допросы продолжатся после короткого перерыва. Уже установили, что за двадцать семь минут до входа проводилось удалённое обслуживание того узла, где хранилась папка.

— Кто обслуживал?

Артём оглядывается на дежурного у двери. Тот кивает, разрешая назвать открытый для участников факт.

— Подрядчик «Вектор».

Название я узнаю не сразу. Потом вспоминаю синий треугольник, который торчит в углу ведомственного портала всякий раз, когда он зависает на отправке материалов. Наши эксперты ругают «Вектор» чаще, чем собственные компьютеры.

Артём достаёт короткую справку, выданную для ознакомления. Лист помят: он, видимо, несколько раз складывал его в карман и снова разворачивал. Подключение подрядчика началось в двадцать два семнадцать. В двадцать сорок четыре инженер вышел. Через четыре минуты в систему вошёл Воронцов, который в это время выбирал со мной йогурт.

— Плановая диагностика, — читает Артём. — Заявку согласовали ещё несколько дней назад.

— А после твоей записки никто не подумал отменить такие работы?

— Записка была о совпадениях, Кир. Если после каждого предположения отключать подрядчика, система встанет к обеду. — Он трет ребром ладони лоб и снова смотрит в справку. — Теперь окна возьмут под контроль. Фамилию ночного инженера устанавливают, журналы изымают.

Мне хочется спросить, мог ли «Вектор» войти за него. Артём угадывает вопрос раньше.

— По документам — нет. Их доступ ограничен диагностикой. Что возможно на самом деле, и проверяют.

В машине Артём кладёт руки на руль, но не заводит двигатель. За окнами синеет снег, дворник у корпуса лениво посыпает ступени солью.

— Украденная папка содержала список эпизодов и мои рабочие предположения, — говорит он. — Если её забрали те же люди, которых я искал, теперь они знают объём проверки.

— И им известно, что ты связал события с обслуживанием.

— Да.

Он отвозит меня домой и возвращается в управление на такси: его машину тоже решили осмотреть, чтобы закрыть вопрос с устройствами внутри. Я сплю до полудня, потом еду на приём одна. Артём обещает успеть к назначенному времени, но звонит за десять минут до начала.

— Меня не отпускают. Прости.

— Врач может перенести на вечер. Я узнаю.

Он молчит, а по фоновым голосам я слышу, что рядом сотрудники.

— Перенеси, если это удобно тебе. Я очень хочу быть там. Но если врач скажет ждать неделю, иди сейчас, хорошо?

Мы переносим на шесть. Артём приезжает прямо из управления и успевает за минуту до того, как медсестра называет мою фамилию. Только вместо облегчения протягивает мне ещё одно уведомление.

На время проверки ему закрыт доступ ко всем материалам, связанным с утечками.

Глава 8. Наш ребёнок

— Нас ждут, — говорю я, складывая уведомление пополам.

Артём не двигается. В коридоре женской консультации он выглядит слишком крупным: колени упираются в низкий столик, пальто едва помещается на спинке стула. Рядом будущий отец лет двадцати читает инструкцию к автокреслу и каждые две минуты спрашивает жену, точно ли они купили правильное.

— Материалы забрали, — произносит Артём. — Значит, я не смогу контролировать, что с ними делают.

— Ты и не должен контролировать собственную проверку. Камеры подтвердили, что тебя там не было. Теперь пусть работают люди без конфликта интересов.

Он проводит ладонью по колену, разглаживая ткань брюк, и наконец кивает.

— Ты права. Мне всё равно это не нравится.

— Мне тоже много чего не нравится. Например, запах антисептика и плакат с младенцем, который почему-то улыбается всеми дёснами. Но мы уже здесь.

Медсестра в третий раз зовёт Борисову, теперь уже сердито. Я хватаю сумку, Артём — уведомление, но через два шага выясняется, что он взял рекламный буклет со столика. Настоящая бумага остаётся на стуле. Молодой отец с инструкцией догоняет нас и вручает её Артёму с понимающей улыбкой.

В кабинете жарко и полутемно. Врач узнаёт меня, представляется Артёму и указывает на стул у кушетки. Он зачем-то отодвигает его к стене, потом тянет обратно и цепляет ножкой мусорную корзину. Та падает. Пока он ставит её на место, я уже ложусь и поднимаю свитер.

— Первый раз с папой? — спрашивает врач, готовя аппарат.

— С этим папой — точно первый, — отвечаю я, и Артём перестаёт воевать со стулом.

Гель оказывается ледяным. Я ругаюсь шёпотом, врач извиняется, а Артём вскакивает так резко, что снова задевает корзину. Потом всё-таки садится и кладёт ладонь возле моей. Не сверху, не сжимает — просто ждёт. Я сама цепляюсь за два его пальца.

Экран серый, пятнистый и совсем не похож на фотографии из рекламы клиники. Врач двигает датчик, находит нужный угол и обводит курсором тёмный овал.

— Сроку соответствует. Вот плодное яйцо. А здесь эмбрион. Развивается нормально.

Артём наклоняется так близко к монитору, что врач просит не загораживать ей показатели.

— Вот это белое? — Он указывает не туда.

— Это метка аппарата. Ребёнок ниже.

— А. Хорошо. Я сейчас, видимо, задаю худшие вопросы за день.

— Вы пока даже не в первой десятке, — успокаивает врач и снова показывает маленькую точку.

Я видела её на прошлом приёме, но сегодня точка уже наша общая. Артём перестаёт кивать и просто смотрит. Его пальцы понемногу сжимают мои. Когда становится больно, я толкаю его большим пальцем.

— Полегче, папа.

Он тут же отпускает, пугается, что сделал мне больно, и начинает извиняться. Врач смеётся и выдаёт ему салфетку, чтобы занял руки.

Потом мы обсуждаем анализы и тошноту. Артём записывает рекомендации, но на словах «обычная активность» всё-таки уточняет, входит ли туда ноутбук. Я поворачиваю голову. Он быстро добавляет:

— Я спросил про технику. Не запрещал носить.

— Ноутбук можно, — отвечает врач. — И пакеты можно, если Кира нормально себя чувствует. Пожалуйста, не составляйте список запрещённых предметов без неё.

— Я понял.

Принтер выплёвывает снимок и жуёт угол. Врач вытягивает бумагу, разглаживает ладонью и отдаёт мне. Я сразу протягиваю Артёму.

— Забирай, пока не начал спрашивать, кому достанется оригинал.

Он действительно хотел спросить. Это видно по лицу. Прячет снимок в файл и проверяет застёжку дважды.

На улице уже темно. Мы останавливаемся под козырьком, потому что с крыши сыплется мокрый снег. Артём держит новый снимок в прозрачном файле и не убирает его.

— Я представлял, что пойму больше, — признаётся он. — На экране почти ничего не видно, а я уже знаю, где он.

— Или она.

— Или она. — Он прячет снимок во внутренний карман, осторожнее служебных документов. — Я всё утро думал об этой проверке. Там забрали доступ, тут я увидел точку — и служба вдруг стала меньше. Не неважной. Просто меньше.

Мы идём к машине. Возле перехода Артём замедляет шаг, хотя зелёный ещё мигает. Раньше он всегда переходил быстро, будто светофор обязан подождать.

— Ты испугался? — спрашиваю я уже в салоне.

— Да. — Он очищает стекло от снега, собираясь с мыслями. — Не ответственности. Мне сорок. Когда ребёнку будет двадцать, мне будет шестьдесят. Сегодня я впервые захотел не пропустить ни одного года. Даже те, в которые меня будут ненавидеть за запрет гулять до утра.

— Ты заранее планируешь запреты?

— Нет. Сергей рядом показал, чем это заканчивается.

Он усмехается, но я слышу под шуткой настоящий страх. Накрываю его ладонь своей.

— Доживём. А потом ребёнок сам объяснит тебе, куда ты можешь убрать запреты.

— Судя по матери, начнёт рано.

У дома нас ждёт сотрудник службы безопасности и участковый. На этот раз дело касается меня: мой домашний адрес, номер квартиры и фотографии подъезда опубликованы в двух каналах. Один из авторов предлагает «поговорить с генеральской дочкой лично».

Мы поднимаемся в квартиру вместе. Сотрудник проверяет дверь и окна, рекомендует временно сменить место проживания, пока источник публикации не установят. На коврике лежит записка без конверта: «Поговорим, когда полковника не будет». Её фотографируют, убирают в пакет и спрашивают, видела ли я такой почерк. Не видела.

Артём молчит. Даже когда специалист спрашивает, есть ли у меня близкие, у которых можно остановиться, он не отвечает за меня.

Я открываю шкаф и зачем-то начинаю снимать платья с вешалок. Одно падает, цепляется рукавом за дверцу. Половина нужных вещей уже у Артёма, а здесь остаются книги, посуда и старое одеяло из общежития. Переезжать из-за записки на коврике противно. Хочется запереться здесь назло человеку, который ждёт, когда полковника не будет.

— Решение ваше, — напоминает сотрудник. — Мы можем усилить наблюдение, но адрес уже разошёлся.

Артём стоит у окна, не касаясь шторы. Я бросаю запутавшееся платье на кровать.

— Скажи хоть что-нибудь, а то я сейчас останусь здесь из чистого упрямства.

— Я хочу, чтобы ты жила у меня. Хотел до юбилея, хочу сейчас. Но уговаривать на фоне этой записки — мерзко.

Он произносит это и замолкает. Не добавляет «ради ребёнка», не обещает выставить охрану. Я сама достаю с верхней полки дорожную сумку. Она падает мне на голову вместе с пустой коробкой от утюга.

— Всё, — говорю я, выбираясь из ручек. — Переезжаю окончательно. Иначе через неделю мы снова будем обсуждать, считается ли четыре ночи жизнью вместе. Заберём сейчас всё, что влезет.

Я звоню управляющему домом, предупреждаю о замене замка и прошу сохранить записи подъездных камер. Голос дрожит только на слове «угрозы», и тогда Артём протягивает мне стакан воды. Дожидается, пока я закончу разговор, и лишь после этого подходит к сумкам.

Он берёт вторую и начинает складывать книги, причём первой отправляет туда тяжёлую энциклопедию по акустике, которую я не открывала два года.

— Её зачем?

— Окончательно же.

Мне приходится рассмеяться. Напряжение отпускает не полностью, но квартира снова становится моей, а решение — нашим.

Через два часа мы закрываем дверь. Участковый остаётся ждать мастера, который заменит замок, сотрудник безопасности провожает до машины. Артём укладывает сумки в багажник, я сажусь впереди и открываю рабочую почту.

Система прислала автоматическое уведомление о новом событии в ведомственном портале. Я читаю первую строку и перестаю слышать, как захлопывается багажник.

Моя учётная запись открывала материалы по делу Артёма Воронцова.

Глава 9. Теперь обвиняют меня

— Не заводи машину, — говорю я, когда Артём садится рядом.

Он бросает ключи в нишу возле коробки передач. Я показываю уведомление, не передавая телефон: сначала делаю снимки экрана, сохраняю служебные заголовки письма и включаю запись своих действий. Время — двадцать один шестнадцать. Событие в портале произошло восемь минут назад.

— Ты входила? — спрашивает Артём.

— Последний раз вчера утром. В рабочем кабинете, с терминала центра. Сейчас приложение портала даже не установлено на этом телефоне.

Вместо того чтобы ехать домой, звоню Марине Олеговне. Она отвечает сонно и сердито, но после первых двух фраз окончательно просыпается.

— Ничего больше не открывай. Даже карточку события.

— Уже открыла уведомление из почты. Сам портал не трогала.

— Хорошо. Сейчас соединю с дежурным администратором. Сама в центр не приезжай, пока не скажу: там твой рабочий терминал, и нам не хватало только спорить, что ты делала возле него ночью.

Артём слышит разговор и молча включает аварийную сигнализацию. Машина стоит на освещённой парковке под камерами; время нашего нахождения здесь можно будет подтвердить. После магазина мы оба начали замечать камеры раньше вывесок.

Дежурный администратор задаёт контрольные вопросы. Я называю код сотрудника, но отказываюсь произносить пароль даже ему. Он не обижается — значит, проверку я прошла.

— Учётная запись активна, — сообщает мужчина. — Есть открытая сессия.

— Завершите её принудительно и заблокируйте доступ. Прошу зафиксировать: инициатор блокировки — я, время двадцать один двадцать четыре.

— После блокировки вы не сможете работать с государственными материалами.

— Понимаю. Блокируйте.

Мужчина просит подождать. В динамике шуршат бумаги, кто-то рядом диктует номер обращения. Через две минуты приходит второе письмо: доступ заморожен по заявлению пользователя.

Только тогда Артём спрашивает:

— Что именно открыли?

Я читаю доступную строку. Карточку служебной проверки Воронцова, приложение с перечнем спорных запросов и аудиоматериал. Длительность сессии — шесть минут.

— Аудиоматериал? — повторяет он.

— Названия нет. И я не буду выяснять сама.

Мы всё-таки едем домой. Коробки остаются в прихожей неразобранными. Я ставлю ноутбук на кухонный стол, но не включаю его, пока не приезжают Марина Олеговна и юрист центра. Они привозят чистый служебный компьютер, составляют акт и только после этого позволяют мне выгрузить с почтового сервера уведомления.

— Самоотвод у тебя действующий, — напоминает юрист, просматривая документы. — Оформлен за месяц до инцидента, включает все материалы по Борисову и Воронцову. Это хорошо. Плохо то, что кто-то вошёл с твоими реквизитами, несмотря на самоотвод.

— Портал не должен был показать мне карточку?

— Должен был закрыть материалы на уровне назначения эксперта. Но твоя учётная запись имеет общий допуск к обмену файлами. Видимо, ограничение обошли или событие создали через другой уровень.

Марина Олеговна вытаскивает из коробки кружку с лисой, потому что та мешает добраться до чайника, и ставит передо мной.

— Пей воду. И не смотри так, будто сейчас полезешь проверять уровень.

— Не полезу.

— Я знаю. Но мне надо было сказать, иначе полковник лопнет от необходимости промолчать.

Артём, который всё это время разбирает бумаги на другом конце стола, вскидывает голову.

— Я прекрасно молчу.

— У вас желваки слышно из коридора.

Юрист прерывает их и просит меня расписать вечер по минутам. Мы выехали из моей квартиры в восемнадцать сорок, погрузили вещи при сотруднике безопасности, на парковку приехали в двадцать один ноль пять. Угроза адресу и переезд дают алиби, однако цифровой доступ мог быть удалённым. Главный вопрос — откуда взяли мои реквизиты.

— Рабочий компьютер остаётся в центре, — говорю я. — Токен хранится в сейфе, журнал выдачи есть. Домашний ноутбук к порталу не подключался.

— Телефон? — спрашивает юрист.

— Только почта. Приложения нет. Биометрический ключ не регистрировала.

Он записывает ответы и просит назвать людей, знавших о самоотводе. Марина Олеговна, юрист, кадровик и администраторы системы. Список длиннее, чем мне хотелось бы, но самоотвод не секретный документ.

К полуночи центр официально сообщает об аномалии владельцу портала и внутренней безопасности. Я добровольно передаю рабочий токен на исследование. Его упаковывают прямо на кухне: юрист находит чистый конверт только с третьей попытки, потому что в двух первых лежат мои медицинские бумаги. Я расписываюсь поперёк ленты и фотографирую упаковку служебным аппаратом Марины Олеговны.

— Утром понадобится твой письменный запрос на исследование, — говорит юрист. — И согласие на проверку рабочих журналов за последний месяц.

— За месяц? Спорная сессия сегодня.

— Надо установить, не было ли пробных входов раньше. Личные устройства без отдельного основания не отдаёшь. Если попросят — сначала звонишь мне.

Артём переносит наши телефоны подальше от папок, чтобы не смешать с техникой. После двух чужих входов любое касание начинает казаться уликой.

Утром я должна явиться для отдельного объяснения и временно не работать ни с одним государственным материалом.

— Это отстранение? — спрашиваю я.

Марина Олеговна пожимает плечом, пытаясь застегнуть сумку, в которую не помещается папка.

— Пока мера предосторожности. Зарплату и обычные внутренние дела никто не отнимает. Но да, твою работу порежут почти наполовину. Я не стану делать вид, что это ерунда.

После их ухода мы с Артёмом остаёмся среди коробок. Он достаёт мою зубную щётку, относит в ванную, возвращается за домашними тапками. Я разбираю книги, потому что пальцам нужно занятие.

— Ты можешь спросить, — говорю я.

— О чём?

— Не открывала ли я материалы из любопытства. Не пыталась ли помочь тебе.

Артём ставит энциклопедию по акустике на полку корешком вверх ногами. Я переворачиваю её.

— Если бы ты открыла, то не стала бы через восемь минут требовать блокировки и собирать свидетелей. И предупредила бы меня раньше, чем систему. Я могу задавать глупые вопросы на УЗИ, но не настолько глупые дома.

Мы ложимся под утро. В девять Марина Олеговна встречает меня у центра и ведёт не к моему кабинету, а в серверную зону. Там уже работают специалисты владельца портала. Один снимает образ моего токена, второй сверяет номера с журналом выдачи. Пломба сейфа не повреждена; утром её вскрыли при двух сотрудниках.

Я отвечаю на вопросы отдельно от администратора: когда видела токен в последний раз, кто находился в кабинете, записывала ли пароль на бумаге. На последнем вопросе хочется обидеться, но специалист показывает три стикера, снятых сегодня с чужих мониторов. На одном действительно написан пароль.

— Нет. Мой в менеджере. Мастер-фраза хранится дома в закрытом конверте.

— Место не называйте. Проверим токен и терминал. Пока признаков их использования нет.

Через стеклянную дверь вижу свой кабинет. На ручке висит бумажная пломба, коллеги обходят её слишком широко. Вчера я была экспертом, сегодня стала источником цифрового инцидента. Разница умещается в шесть минут чужой сессии.

Мне показывают только итоговую справку о маршруте входа.

Сессия пришла не с рабочего терминала центра. Она прошла через государственный шлюз обмена материалами — тот самый общий контур, к которому подключены независимые эксперты.

Технический специалист подчёркивает название обслуживающей организации.

Шлюз поддерживает «Вектор».

Глава 10. Его голос

— Снова «Вектор», — произношу я, и специалист тут же поправляет:

— Пока снова инфраструктура, которую они обслуживают. Это не доказательство действий компании. Запрос мог прийти через скомпрометированный шлюз, чужой административный доступ или ошибку конфигурации.

Я заставляю себя записать все три версии. После главы 6 Артём отучил меня превращать совпадения в выводы. Но теперь одинаковое название появляется рядом с его входом, моим входом и старыми сервисными окнами.

Мой токен оказывается чистым. Его не использовали, рабочий терминал ночью не включался, а локальные журналы центра не содержат моей сессии. Это снимает часть подозрений, но не возвращает доступ: пока маршрут не установлен, учётная запись остаётся замороженной.

В обед мы с Мариной Олеговной выходим из серверной. Она вручает мне папку с внутренними, не государственными делами и отправляет в свободный кабинет.

— Будешь проверять старые записи камер из страхового спора. Скучно, безопасно и без полковников.

— Там хотя бы звук есть?

— Нет. Наслаждайся людьми, которые молча таскают коробки.

Я успеваю открыть первый файл, когда в коридоре один за другим пищат телефоны. Кто-то роняет степлер. Потом через стену раздаётся голос Артёма — громче, чем он разговаривает даже во время ссор.

«Ты будешь молчать. Отцу ничего не говори».

Я выхожу в коридор без пропуска, возвращаюсь за ним, снова выхожу. Коллеги уже собрались возле секретарского монитора. На странице висит наша фотография и запись на четыре минуты. Секретарь судорожно ищет кнопку паузы, но попадает по рекламе.

«Делай, как я сказал».

— Господи, выключи это, — требует Марина Олеговна.

Я отнимаю мышь у секретаря и оставляю воспроизведение.

— Сначала дослушаем. Страницу не сохраняю, к файлу не лезу.

Голос Артёма мой слух узнаёт сразу. Беседа — чужая. После шороха он говорит: «Пока никуда не поедешь. Ты меня поняла?» Затем отвечаю я, будто из соседней комнаты: «Поняла».

У меня немеют пальцы на мыши. Я тысячи раз произносила это слово, но не помню ни одного вечера, когда Артём выстроил бы вокруг него такие приказы. Запись продолжается: не отвечать на звонки, не выходить, ждать его решения.

Молодой эксперт рядом шепчет, что ничего не слышал, и закрывает свою вкладку. От жалости хочется огрызнуться. Вместо этого я прошу его принести бумагу и записываю время начала публикации.

Запись продолжает играть на секретарском компьютере. Между фразами Артёма вставлен мой короткий вдох, затем звук закрывающейся двери. Я узнаю дверь в его квартире: петля свистит на высокой ноте, пока её не смазать. Мы обсуждали ту петлю в голосовом сообщении. Значит, составители брали материал из разных мест или очень хорошо имитировали бытовую обстановку.

Я не делюсь догадкой с коллегами. Пишу наблюдение на бумаге, ставлю время и передаю Марине Олеговне. Пусть независимый эксперт решит, имеет ли деталь значение. Самой открыть редактор и посмотреть спектр было бы легче, чем сидеть со сложенными руками. Именно поэтому я не открываю.

— Где независимый специалист? — спрашиваю я Марину Олеговну.

— Уже вызвали. Ты к материалу не подходишь. Даже не сохраняешь страницу — это сделал администратор.

— Поняла.

Я возвращаюсь в кабинет и закрываю дверь. Через минуту звонит Артём.

— Ты слышала?

— Да. Не приезжай сейчас. Здесь уже работает юрист, файл передают независимому эксперту. Мне нужно только одно: вспомни, говорил ли ты эти фразы.

Он молчит. Я слышу, как скрипит стул — Артём, вероятно, находится в комнате для объяснений или временном кабинете без служебного доступа.

— Первую говорил, — наконец отвечает он. — Постой... не всю. «Будешь молчать» и про отца — да. «Делай, как я сказал» могло быть позже.

Артём отходит от телефона, кому-то отвечает, что занят, и закрывает дверь. Я жду, стирая уже написанную фамилию: он ещё никого не назвал.

— После операции один сотрудник рвался предупредить родственника задержанного, — продолжает он. — Я велел молчать до оформления защиты. Разговор записывался служебно. Но последнюю фразу там не помню.

Я ставлю возле эпизода знак вопроса. Следующий кусок он узнаёт не сразу. Просит повторить, путает «не поедешь» с «не пойдёшь», затем резко замолкает.

— Водитель. Авария в феврале. У него было сотрясение, а он собирался снова сесть за руль. Я сказал, что он никуда не поедет.

— Мог добавить про звонки?

— Нет. Там вообще никто никому не звонил. — Артём раздражённо выдыхает. — Дай ссылку. Сам послушаю.

Я отправляю только адрес общедоступной страницы. Он включает запись на другом устройстве, иногда возвращает по несколько секунд. В телефоне слышны обрывки его же голоса, теперь с металлическим эхом.

— «Решу, когда тебе можно выйти»... Это периметр задержания. Сотрудник хотел уйти до команды. Но фраза в оригинале была длиннее. Я объяснял, откуда можно выйти и после чьего сигнала.

У меня на листе три даты, ни одна не совпадает с другой.

— Мой ответ узнаёшь?

Артём слушает ещё раз. На слове «поняла» звук возле него вдруг обрывается — кто-то открывает дверь и зовёт на объяснение.

— Не уверен, Кир. Шум похож на домашний. Твой голос — тоже. Но одного слова мало. Мне надо идти.

Независимый эксперт приезжает через час. Я вижу его только через стекло переговорной: седой мужчина в клетчатой рубашке принимает накопитель у администратора, сверяет упаковку и расписывается. Просит оригинал публикации, сведения о скачивании и контрольную сумму. Секретарь приносит распечатанный текст, и эксперт возвращает лист со словами, что исследовать бумагу на монтаж аудио пока не научился.

Меня не приглашают. Я сижу в соседнем кабинете над немыми камерами страхового склада и считаю коробки, которые рабочие переносят из угла в угол. На сорок седьмой замечаю, что считаю вслух. Закрываю видео и иду умываться.

До вечера файл расходится по сети. Отец звонит дважды, но я не отвечаю: не хочу снова доказывать, что слышу голос любимого мужчины и всё равно умею думать. Дмитрий присылает одно сообщение: «Я предупреждал». Его я сохраняю и передаю юристу.

Артём приезжает к центру после семи. Внутрь не входит, ждёт у служебного выхода. Я сажусь в машину и только тогда позволяю ему обнять меня. От его одеколона, воротника, тёп-

лой кожи всё ещё пахнет тем самым человеком, чей голос весь день приказывает мне молчать из чужих телефонов.

— Я знаю, что запись собрана, — говорю я ему в плечо. — Но хочу, чтобы это подтвердил не мой слух.

— Правильно.

— И я злюсь. Не на тебя. На то, что они взяли настоящие слова и сделали из них человека, которого я должна бояться.

Артём отодвигается ровно настолько, чтобы видеть моё лицо.

— Когда услышала, хоть секунду подумала, что я мог сказать это тебе?

Вопрос даётся ему тяжело. Он не требует клятвы и готов услышать неприятное.

— Отдельные фразы — да. Ты мог сказать «молчи» в шутку или остановить меня перед звонком отцу. Весь разговор — нет. Я его не помню, и я не разговариваю с тобой таким голосом. Но слушать всё равно больно.

— Мне тоже. Особенно твой ответ.

— «Поняла» могло быть моим. Мы говорили это тысячу раз.

Он кивает. Не обещает никогда больше не говорить жёстко и не просит забыть запись. Только держит меня, пока я сама не выпрямляюсь.

В этот момент звонит Марина Олеговна. Независимый эксперт закончил предварительный осмотр. Файл на странице не является исходной записью: параметры кодирования менялись, на нескольких стыках нарушен фоновый шум. Но назвать способ сборки по опубликованной копии он пока не может. Нужны исходные фрагменты или версия лучшего качества.

Я включаю громкую связь. Артём просит повторить фразы и снова называет разговоры, в которых их произносил. Три эпизода, три разных даты, три служебных контекста.

Каждое его слово в поддельном разговоре когда-то было настоящим.

Глава 11. Настоящие слова. Ложный разговор

— Тогда нужны исходные записи, — говорит Марина Олеговна по громкой связи. — Не воспоминания Артёма и не этот пережатый файл.

Артём смотрит на часы. В управлении уже конец рабочего дня, но после публикации никто не разошёлся.

— Все три разговора записывались служебно. Первый — после операции, второй попал в материалы проверки аварии, третий шёл из комнаты совещаний. Они должны храниться в голосовом архиве.

— «Должны» мне сегодня особенно не нравится, — замечаю я.

Он заводит машину, но с парковки мы не выезжаем. Сначала Артём звонит следователю и официально сообщает предполагаемые источники фраз. Я слушаю, как он трижды повторяет: даты приблизительные, требуется проверить журналы. После каждого чужого цифрового события точность приходится доказывать заново.

Следователь просит нас не возвращаться в управление и обещает сам запросить архив. Мы едем домой. На первом светофоре мой телефон показывает двадцать пропущенных уведомлений. Фрагменты записи разнесли по коротким роликам: голос Артёма наложен на фотографии с юбилея и снимок моего подъезда.

Я удаляю приложения соцсетей с главного экрана, не стирая данных. Артём замечает и спрашивает:

— Хочешь, я тоже не буду смотреть?

— Ты всё равно будешь.

— Буду. Тогда хотя бы не стану пересказывать тебе комментарии.

Дома мы не включаем свет в прихожей, пока Артём не задёргивает шторы: мой новый адрес ещё не опубликован, но после записки рисковать не хочется. Коробки занимают половину коридора. Я спотыкаюсь о пакет с обувью, ругаюсь и десять минут раскладываю туфли, хотя сейчас это самая бесполезная вещь в мире.

Артём тем временем составляет перечень разговоров. Не служебную справку — черновик для следователя. На первой дате ошибается на месяц: авария случилась не в феврале, а в конце января. Находит сообщение водителя, исправляет.

— Ты помнишь столько операций, а дату аварии забыл.

— Я помню человека и разбитую машину. Календарь тогда интересовал меньше.

— В записи именно так и работает. Человеческая память путается, а файл говорит уверенно.

Он перечитывает строку и откладывает ручку.

— Кир, твой вдох и дверь. Откуда они могли взять домашнее сообщение?

Я открываю переписку, но не проигрываю файлы подряд. Составляю список дат, когда жаловалась на петлю, и передаю юристу. Самой искать совпадение нельзя: мои сообщения теперь возможный источник доказательств. Артём тоже передаёт телефон на копирование добровольно, только просит ограничить выборку нужным периодом.

Ночью независимый эксперт присылает предварительную справку. Он не пишет «фальшивка» красивым крупным словом. Указывает, что опубликованный файл повторно кодирован, непрерывность фоновой обстановки нарушена, а отдельные фрагменты имеют разные шумовые характеристики. Установить исходные записи и способ соединения без оригиналов невозможно.

— Этого хватит для опровержения? — спрашивает Артём.

— Для вывода, что перед нами не исходная беседа. Не для ответа, кто её сделал и откуда взял куски.

Он читает справку ещё раз и отправляет следователю. Мы пытаемся лечь, но через полчаса Артём возвращается на кухню: вспомнил, что в разговоре после операции дважды называл сотрудника по имени. В опубликованном файле имени нет. Значит, кусок обрезали ещё теснее, чем он думал.

— Запиши и отправь утром, — говорю я из дверей. — Сейчас ты начнёшь восстанавливать весь разговор до запятых и к рассвету сам себе не поверишь.

Артём смотрит на часы и всё-таки закрывает блокнот. На обратном пути в спальню задевает плечом дверной косяк. Он не жалуется на усталость, просто перестаёт попадать в проёмы.

В сети к утру появляется формулировка «эксперты сомневаются в подлинности», рядом — пять публикаций о том, что специалисты генерала спасают его друга. Независимость эксперта никого не интересует.

В девять нас вызывают по отдельности. Я еду в центр, Артём — в управление. Его служебный архив недоступен снаружи, запрос подписывают двое сотрудников внутренней безопасности. Мне официально предлагают предоставить бытовые голосовые сообщения для сравнительного исследования. Я соглашаюсь только после того, как юрист вписывает точный перечень файлов и запрещает доступ к остальной переписке.

— Здесь есть личные разговоры, — предупреждаю техника.

— Мне нужны семь сообщений с указанными контрольными суммами. Остальное устройство не покинет ваш стол.

Он подключает чистый накопитель, я сама выбираю файлы при свидетеле. В третьем сообщении слышится та самая дверь. Я жалуюсь Артёму, что он опять ушёл и оставил петлю свистеть, потом говорю: «Поняла, куплю смазку сама». Из этих обрезков составители взяли мой вдох, скрип и ответ.

Эксперт просит проиграть сообщение ещё раз. На слове «поняла» останавливает, записывает длительность паузы и сравнивает с опубликованным вариантом. Я не вижу его экран — он нарочно развёрнут от меня, — зато слышу одинаковый щелчок перед согласной.

— Предварительно похоже на один источник, — говорит он. — В заключении будет после исследования.

Мне хочется обрадоваться, но доказательство собственного слова в поддельной записи оставляет привкус грязи. Кто-то взял моё недовольное бытовое сообщение, в котором мы спорили о дверной петле, и сделал из него согласие подчиняться.

Марина Олеговна закрывает рот рукой.

— То есть они добрались до вашей личной переписки?

— Или до копии этого сообщения в одном из устройств, — поправляет техник. — Пока источник не установлен.

Мой телефон исследуют на вредоносное ПО. Ничего очевидного не находят. У Артёма устройство уже изъято после ложного входа, и теперь специалистам разрешают расширить проверку. Но три его фразы не были в личном телефоне. Они записаны ведомственными системами.

После обеда звонит следователь. Два источника Артём указал верно: протоколы подтверждают разговор после операции и разбор аварии. Третий тоже проходил в нужной комнате совещаний. В карточках есть время, участники и номера устройств. Все записи по регламенту поступали в единый голосовой архив.

— Значит, их можно сравнить с публикацией? — спрашиваю я.

— Если файлы на месте. Сначала выгрузим, зафиксируем контрольные суммы, потом передадим независимому эксперту. Воронцов к копиям доступа не получит.

— И правильно, — отвечает Артём, присоединившись к звонку. — Я дам образцы голоса отдельно.

Следователь предупреждает, что часть записей могла уйти в холодное хранилище и понадобятся сутки. Мы соглашаемся ждать. Выбора всё равно нет, но произнесённое «соглашаемся» хотя бы возвращает разговору человеческую форму.

— Кто чинит этот архив, когда он ломается? — спрашиваю я.

Следователь просит кого-то не отключаться и шуршит бумагами. В трубке дважды произносят разные названия подразделений, потом чей-то голос поправляет: хранение ведомственное, а техническое сопровождение у «Вектора».

— У подрядчика нет права слушать записи, — добавляет следователь. — По контракту они обслуживают оболочку и хранилище.

Артём подключается с другого телефона. Слышно его плохо; сначала вместо фразы до нас доходит только «...копии... действий». Он уходит из шумного коридора и повторяет:

— Нужны копии оригиналов до того, как кто-нибудь снова запустит очистку. И история обращений к этим номерам.

— Запрос ушёл. По двум разговорам нашли карточки. Третий архивист ищет вручную: номер совещания в журнале и на носителе расходится на одну цифру.

Ждать приходится до вечера. Я трижды запускаю один и тот же ролик страхового склада и каждый раз забываю, какую коробку проверяю. Марина Олеговна в половине шестого отбирает у меня мышь, приносит чай и садится рядом. Секретарь заглядывает сказать, что архив опять просит уточнить дату. Через минуту звонит следователь.

— У меня плохая новость и очень злой архивист, — начинает он. — Файлов на рабочем массиве нет. Стоит отметка автоматического удаления.

— Всех трёх?

— Всего диапазона. В него попали именно те записи, которые назвал Воронцов.

Глава 12. Слишком чисто

— Когда удалили? — спрашиваю я.

— Очистку запустили три недели назад, — отвечает следователь. — Машина считает, что срок хранения закончился.

Я открываю календарь, промахиваюсь по нужному месяцу и вижу наши с Артёмом старые планы: ужин, театр, «поговорить с папой после юбилея». Три недели назад никто ещё не знал о беременности. Зато кто-то уже мог складывать запись.

Артём перебивает мои мысли:

— Последняя операция была позже. Этот разговор физически моложе срока хранения.

На том конце начинают спорить двое. Следователь закрывает микрофон ладонью, но мы всё равно слышим: карточку привязали к старому делу, дату подтянули оттуда. Архивист называет это ошибкой классификации и ругается на миграцию базы.

— Ну конечно, — Марина Олеговна отодвигает чай так резко, что блюдце звякает. — Случайно ошиблись именно на нужном файле.

— Не только на нём, — возражает следователь, вернувшись к разговору. — В очистку попали сотни записей. Сейчас забираем журналы и резервный индекс. Пока у нас кривой учёт. Умысел придётся доказывать отдельно.

После звонка я нахожу в справке эксперта фразу «требуются исходные фонограммы» и обвожу её ручкой. Бумага рвётся. Марина Олеговна подкладывает под неё чистый лист.

— Они готовились заранее, — говорю я.

— Возможно. А возможно, увидели дыру и сунули туда руку. Не делай им комплимент в виде гениального плана.

Я начинаю писать наблюдение, дважды вычёркиваю слово «намеренно» и оставляю только даты. Артём через представителя запрашивает журнал удаления. Впервые за день получается действие, которое не требует угадывать мотив.

Утром «Вектору» уходит требование выдать сервисные журналы. Ответ приходит неожиданно быстро. Архив вложений настолько аккуратный, что секретарь сначала решает: это подтверждение получения, а не сами документы. Внутри заявки, подписи, время работ и фамилии инженеров — всё разложено по папкам и пронумеровано.

Специалисты не начинают с поиска тайной команды. Сначала сверяют простое: совпадают ли номера заявок, действительно ли инженеры имели допуск, проходили ли их сертификаты проверку. Две фамилии подтверждаются системой пропусков. По третьей инженер работал удалённо из офиса «Вектора». Время сессии удостоверено корпоративным шлюзом.

— Получается, всё законно? — спрашиваю я у юриста перед совещанием.

— Получается, документы рассказывают законную историю. Сейчас проверят, совпадает ли она с журналами на стороне ведомства.

Мне дают подписать обязательство не разглашать технические детали, которые станут известны как владельцу скомпрометированной учётной записи. Я читаю каждую строку и нахожу только одну ошибку — в номере паспорта. После вчерашнего пропущенного «не» юрист уже не шутит, просто меняет страницу.

Меня к анализу не допускают, но как владелицу скомпрометированной учётной записи знакомят с итогами. Мы сидим в переговорной внутренней безопасности: я, юрист центра, Артём со своим представителем и два технических специалиста. Между нами стол, заваленный распечатками. Отец не присутствует, хотя по должности мог бы. Сам отстранился от этого совещания, чтобы не дать защите Орловых и прессе ещё один повод говорить о давлении.

— Логи идеальны, — произносит старший специалист и толкает к середине стола три листа. — Каждая заявка открыта вовремя, закрыта вовремя, контрольные операции соответствуют регламенту.

— Тогда почему вы говорите это так, будто нашли проблему? — спрашивает Артём.

Техник снимает очки и протирает их краем свитера.

— Потому что реальные журналы такими не бывают. Кто-то опаздывает на минуту, повторяет команду, получает ошибку, переподключается. Здесь за четыре месяца ни одного сбоя и ни одного лишнего действия.

Я вспоминаю наш центр: администратор не может обновить принтер, не перезагрузив его дважды. Десятки инженеров «Вектора» якобы работают с точностью часов.

Специалист показывает обычный журнал с другого месяца. В нём команды повторяются, одно соединение падает, инженер возвращается через семь минут и оставляет комментарий с опечаткой. В спорных выгрузках строки выстроены ровно, комментарии одинаковы до точки.

— Это шаблон? — спрашиваю я.

— Похоже на автоматически сформированный отчёт. Он может быть штатным. Но тогда нужны сырые события, из которых отчёт собран.

Представитель «Вектора» подключается по видеосвязи. Мужчина лет пятидесяти сидит в ярко освещённой переговорной и с первых секунд повторяет, что компания заинтересована в расследовании. Старший специалист просит исходные технические журналы, а не подготовленную выгрузку.

— Мы передали полный пакет, предусмотренный контрактом, — отвечает представитель. — Внутренние журналы содержат коммерчески чувствительную информацию.

— Три пользовательские сессии могли быть скомпрометированы во время ваших работ, — вмешивается Артём. Его представитель касается локтя, напоминая не превращать совещание в допрос. Артём откидывается на спинку стула и уже спокойнее добавляет: — Без сырых событий невозможно отделить ошибку системы от действий подрядчика.

Мужчина на экране обещает согласовать передачу с юристами. Камера слишком резко приближает его лицо, когда он наклоняется к микрофону, и несколько секунд мы видим только подбородок. Идеальность документов не распространяется даже на их видеосвязь.

— Записи могли очистить? — спрашивает юрист.

— Или выгрузка отфильтрована. Мы сравнили её с журналом самого шлюза. Во время трёх спорных событий там активировался сервисный профиль с кодом SP-17. В документации, которую передал «Вектор», такого профиля нет.

Мужчина на экране замолкает. Изображение подвисает с открытым ртом, и я сначала думаю, что оборвалась связь. Потом он откашливается и просит убрать из комнаты «постороннего эксперта». Юрист центра поднимает моё уведомление и объясняет уже второй раз: профиль прошёл через мою учётную запись, меня допустили постановлением.

— Тогда прошу не фиксировать внутренние сведения компании на личные устройства, — говорит представитель.

Я показываю ему обычный бумажный блокнот и откладываю ручку.

Слово SP-17 он произносит лишь после ещё одного вопроса. Называет внутренним диагностическим режимом: будто бы тот подхватывает зависшие сессии и помогает их восстановить.

— Семнадцатого профиля нет в переданной документации, — техник проводит ногтем по оглавлению. — Первый, второй, пятый. Дальше двадцать первый. Где описание?

— Это инструмент обслуживающей организации. Он не меняет пользовательские данные.

Артём наклоняется к своему представителю и что-то спрашивает шёпотом. Тот кивает, разрешая вопрос.

— Почему ваш инструмент включался перед входами под моим именем и именем Киры?

— Он включался не только тогда, — резко отвечает мужчина. Камера снова уезжает, оставляя на экране его ухо и белую стену. — Вы выбрали три события и строите вокруг них картину. Статистику применения подготовим отдельно.

Старший специалист просит назвать хотя бы количество запусков за месяц. Представитель смотрит в сторону, вероятно на юриста вне кадра, и говорит, что не уполномочен. Описание кода тоже обещает «после согласования».

Когда связь отключается, Артём тянется к распечатке, но его представитель перехватывает лист. Доступ Артёма ограничен; ознакомиться он может только с разрешённой строкой.

— То есть мы пока даже не знаем, что делает SP-17? — спрашиваю я.

Техник кивает на пустую графу в таблице.

— Знаем версию «Вектора»: восстанавливает сессии, к данным не лезет. Проверить нечем. Мы запросили код и одновременно написали производителю базовой системы.

Артём приносит из автомата кофе, отпивает и сразу морщится. Вместо сахара в стакан сыпанулся бульонный порошок. Я забираю напиток подальше от бумаг.

Поддержка производителя тоже не отвечает красиво и быстро. Сначала требует серийный номер лицензии, потом снова просит уже приложенную конфигурацию. Секретарь ругается, отправляет всё повторно и дозванивается до руководителя смены.

Мы ждём почти час. Я успеваю исписать полстраницы вопросами, потом зачёркиваю все, кроме одного: «Существует ли SP-17 в этой версии?»

Дверь открывается. Секретарь передаёт старшему специалисту распечатку, а на планшете показывает адрес отправителя и электронную подпись. Тот читает дважды и просит проверить подлинность ещё раз.

— Подлинность подтверждена.

Техник кладёт распечатку перед юристами. Я вижу логотип производителя и две короткие строки ответа.

Профиль SP-17 не входит в штатную версию продукта.

Такого диагностического режима производитель не создавал.

Глава 13. Сердце

— Значит, профиль добавили после установки системы, — говорит старший специалист.

Представитель Артёма тут же просит не делать окончательный вывод. Профиль мог появиться при законной доработке, которую плохо оформили. Секретарь проверяет реестр изменений — SP-17 там тоже нет.

У меня на языке уже готово слово «лазейка», но я не произношу. До исследования кода это только подходящее название. Вместо него записываю: «Не документирован. Происхождение неизвестно».

«Вектору» направляют требование передать код и статистику запусков. Компания просит срок до конца недели. Все сертификаты подрядчика пока не блокируют: через инфраструктуру идут действующие дела, а механизма атаки следствие ещё не знает. Зато каждое сервисное окно теперь должны наблюдать специалисты безопасности.

Мы выходим из управления поздно вечером. Артём спрашивает, чего я хочу на ужин. Я пытаюсь вспомнить хоть одно блюдо, от которого сегодня не мутит, и выбираю картошку. Он покупает три вида — вдруг один окажется неправильным.

Следующие двенадцать дней проходят между проверками, пояснениями и обычной жизнью, которая никак не хочет ждать разоблачения. Мой доступ остаётся замороженным. Артём работает без материалов утечек и каждый вечер возвращается раньше, чем привык. Сначала бесится от вынужденной пустоты, потом чинит дверную петлю, собирает второй стол в кабинете и наконец разбирает коробки.

Мы не получаем новых ответов от «Вектора». Статистику SP-17 компания присылает в неполном виде, код обещает после юридического согласования. Внутренняя безопасность проверяет резервные журналы. Пресса продолжает крутить аудио, хотя рядом с ним уже стоит пометка о следах обработки.

Дома мы вводим смешное правило: после девяти вечера не произносить слова «профиль», «архив» и «комиссия». В первый день Артём нарушает его в девять ноль две, спросив, куда я убрала профиль для второй полки. Я требую штраф — чай и бутерброд. Он спорит, что имел в виду строительную деталь, но штраф готовит.

Так появляются вечера, в которых мы выбираем место для детской кроватки, хотя покупать её ещё рано, и ругаемся из-за шкафа. Артём хочет освободить целую комнату, я напоминаю, что младенцу кабинет не понадобится. Он пытается возразить, смотрит на мой рабочий стол рядом со своим и решает не рисковать.

Утром нашего следующего приёма Артём просыпается раньше будильника и делает вид, что просто захотел кофе. Кофе ему не нужен: кружка остывает нетронутой, пока он проверяет маршрут до клиники.

— Мы ездили туда две недели назад, — напоминаю я. — Дорога не успела переехать.

— На мосту ремонт.

— Ты узнал об этом в четыре утра?

Он смотрит на телефон и признаётся:

— В пять двадцать.

Я отбираю аппарат и кладу под подушку. До выхода ещё два часа, поэтому заставляю Артёма лечь обратно. Он не спит, зато перестаёт читать дорожные сводки и кладёт ладонь мне на живот. Изменений пока почти не видно. Только джинсы застёгиваются туже, а запах жареного лука способен выгнать меня из дома.

— Там правда уже сердце? — спрашивает он.

— Врач сказала, сегодня должны услышать.

Его ладонь становится неподвижной. В прошлый приём он видел точку и пытался делить снимок. Сегодня, кажется, впервые боится не обвинений и не комиссии.

В клинику мы всё-таки приезжаем на двадцать минут раньше. Молодой отец с автокреслом снова сидит в коридоре, теперь уже с четырьмя распечатанными отзывами и без жены. Она на анализах, объясняет он нам, а кресло оказалось неправильным. Артём слушает серьёзно и через минуту уже обсуждает с ним крепления. Я ухожу к автомату за водой, иначе к следующему приёму у нас появится склад детских кресел.

Врач приглашает вовремя. Артём сам ставит стул ближе к кушетке, не роняет корзину и выглядит этим почти разочарованным. Сначала она проверяет анализы, ругает меня за длинные перерывы между едой и спрашивает, удаётся ли спать. Мы с Артёмом отвечаем по-разному.

— Она почти не спит, — говорит он.

— Я сплю. Просто просыпаюсь от человека, который в пять утра проверяет пробки.

Врач поворачивается к Артёму поверх очков. Он обещает больше не будить меня дорожными сводками и записывает обещание рядом с витаминами. Только после этого я ложусь, поднимаю свитер и предупреждаю:

— Если снова сожмёшь пальцы, буду держать медсестру.

— Я тренировался на дверной ручке.

— Бедная дверь.

Врач наносит гель, находит изображение быстрее, чем в прошлый раз. Маленькая точка выросла и теперь действительно напоминает крошечного человека, если очень хотеть увидеть. Я улыбаюсь раньше, чем успеваю спросить, всё ли нормально.

— Размер соответствует сроку, — говорит врач, делая измерения. — А теперь послушаем.

Она включает звук.

Из аппарата вырывается быстрое частое биение. Я сначала принимаю его за помехи. Слишком быстро для сердца, слишком громко для того, кто помещается внутри тёмного пятнышка. Врач убавляет звук.

— Это сердцебиение малыша. Ритм хороший.

Артём не сжимает мою ладонь. Наоборот, его пальцы вдруг ослабевают, и мне приходится самой удержать их. Он смотрит на экран, потом на мой живот, будто пытается совместить звук с местом, где тот возникает.

— Можно ещё раз? — спрашивает он.

Врач включает. На этот раз Артём закрывает глаза. У него дёргается щека возле старого шрама, и он отворачивается, делая вид, что рассматривает показатели сбоку.

— Всё хорошо? — спрашиваю я.

— Да. Просто... быстро.

— У эмбриона частота выше, чем у взрослого, — объясняет врач и называет цифры.

Артём кивает, но дело не в цифрах. После осмотра он путает мою салфетку со своей записной книжкой, пытается вытереть гель обложкой и останавливается в последний момент. Врач делает вид, что не заметила.

На улице мы не идём сразу к машине. В небольшом сквере возле клиники очищена одна скамейка, и я тяну Артёма туда. Он садится, достаёт снимок, затем убирает его: сегодня бумага уже не главное.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Ничего плохого. Наверное, наоборот. — Он расстёгивает ворот пальто, хотя на улице морозно. — Я услышал сердце и подумал, сколько мне будет, когда наш ребёнок закончит школу. Пятьдесят восемь. Когда ему будет столько, сколько тебе сейчас, мне будет шестьдесят четыре.

— Ты умеешь считать. Это было известно до кабинета.

— Известно. Но раньше числа были просто числами. — Артём смотрит на свои ладони. — Я видел слишком много людей, которые уверены, что успеют потом. А сейчас очень хочу дожить до его первого шага, школы, первой глупости. До того дня, когда он попросит не лезть в его жизнь. Хочу даже это услышать.

Я придвигаюсь ближе. Плечо у него холодное от снега, под пальто чувствуется напряжённая спина.

— Тогда придётся беречь себя. И перестать проверять дорожные работы в пять утра.

— С первым согласен. Второе опасно.

— Артём.

— Хорошо. Постараюсь дожить без утренней сводки по мостам.

Он целует меня в висок. Потом кладёт ладонь на живот поверх пальто, словно сердце можно услышать ещё раз сквозь ткань.

— Я думала, такой звук должен сразу сделать счастливой, — признаюсь я. — А мне одновременно радостно и страшно. Вдруг что-нибудь случится, вдруг я сделаю не так.

— Тогда будем пугаться по очереди. Сегодня, похоже, моя смена.

— Так не работает.

— Жаль. Я уже составил график.

Он показывает пустой экран телефона и впервые после кабинета улыбается нормально. Мы сидим, пока холод не пробирается через скамейку. Потом Артём помогает мне встать и отпускает, как только я выпрямляюсь.

Телефон звонит именно в этот момент. Артём смотрит на номер следователя и отвечает. По мере разговора тепло уходит из его лица.

В сети появилась расширенная версия аудиозаписи.

В ней есть фраза Артёма из разговора с грифом ограниченного доступа.

Глава 14. Кто-то сидит внутри системы

— Какая фраза? — спрашивает Артём.

Следователь не произносит её по обычному телефону. Просит приехать в управление и предупреждает: запись уже опубликована, но распространение закрытой части пытаются ограничить.

Мы возвращаемся к машине. Несколько минут назад я думала только о биении из аппарата. Теперь Артём дважды промахивается ключом мимо замка, хотя дверь открывается кнопкой. Я забираю ключи.

— Я поведу.

— Ты за рулём не ездила с начала беременности.

— Врач не запрещал. А у тебя руки дрожат.

Он смотрит на них и не спорит. По дороге Артём звонит своему представителю, я — Марине Олеговне. Файл уже сохранили администраторы центра, меня к нему не допустят. Правильно, но сегодня это слово раздражает.

У турникета наши телефоны раскладывают по разным пакетам. Артёма отправляют налево, меня — направо. Перед дверью он всё-таки успевает спросить, не тошнит ли меня.

— Пока только от происходящего.

Мне достаётся кабинет с шатким стулом. Я подкладываю под короткую ножку сложенный вчетверо листок из блокнота и только тогда сажусь. На столе ждёт распечатка; несколько строк густо замазаны чёрным. Сотрудник не даёт мне придвинуть бумагу ближе. Объясняет: фраза настоящая, её записали на закрытом совещании, раньше она нигде не звучала. Что именно сказано под чёрной полосой, мне знать не положено.

— Кто присутствовал? — спрашиваю я.

— Список проверяют. Воронцов, несколько сотрудников группы и руководитель операции. Телефоны сдавали перед входом. Запись велась штатной системой комнаты.

— Она поступала в тот же голосовой архив?

Сотрудник кивает.

— Да. Доступ к ней по журналу не запрашивали. По крайней мере под обычными пользователями.

Теперь версия о ревнивом Дмитрии, который собрал компромат из знакомых, разваливается. Он мог заказать слежку, получить номер терминала от отца, организовать публикации. Но закрытая запись из комнаты совещаний требует другого уровня доступа.

Я не говорю «Орлов». Прямой связи всё ещё нет.

— SP-17 мог обойти журнал обращений?

— Это один из вопросов. Код подрядчик ещё не передал.

Сотрудник рисует маршрут на обороте бланка: система комнаты, промежуточный узел, голосовой архив. Пользователь видит карточку, а за записью приходит с основанием и оставляет след.

— А технический профиль?

Он обводит две стрелки. Обслуживать узлы подрядчик может. Слушать то, что по ним проходит, контракт не разрешает.

— Фраза могла остаться ещё где-то?

— В резервной копии и на защищённом накопителе самой комнаты. Накопитель изъяли, он опечатан, следов вскрытия нет. Резерв проверяют.

— Значит, публикацию могли собрать раньше, пока файл лежал в основном архиве.

— Могли. Второй вариант — копия. Пока мы не знаем даже, когда её забрали.

Я провожу ногтем по чёрной полосе. Мне нельзя читать фразу, которую уже пересказывают журналисты.

Дверь открывается, входит отец. Он просит сотрудника оставить нас и кладёт на стол свой телефон в опечатанном пакете.

— У меня взяли устройства и доступы за нужный период, — сообщает Сергей. — Я присутствовал на том совещании как руководитель.

— Ты знал эту фразу?

— Я знал весь разговор. Но услышал запись сегодня вместе со всеми.

Отец садится и забывает снять пальто. Воротник упирается ему в щёку, когда он поворачивает голову. Раньше я бы молча поправила его, он бы буркнул, что сам справится. После сцены у Артёма мы оба ведём себя так, словно таких привычек между нами никогда не было.

Я придвигаю к середине стола распечатку. Чужие люди добрались до разговора, который охраняли лучше, чем нас с отцом друг от друга.

— Дмитрий мог услышать это от тебя? — спрашиваю прямо.

Отец резко поднимает голову.

— Нет. Я не обсуждаю закрытые операции ни с Дмитрием, ни с Виктором.

— Номер терминала он откуда-то узнал.

— Я уже дал по этому поводу объяснения. Виктор утверждает, что получил номер из служебной сводки после начала проверки и сказал сыну, не понимая последствий. Это нарушение дисциплины, но пока не доказательство участия в утечке.

На фамилии Виктора отец сбивается и сердито откашливается. Этого человека я помню за нашим столом с детства. Ещё неделю назад отец называл его будущим сватом. Теперь отодвигает очки и повторяет уже без запинки: служебный номер попал к Дмитрию от Виктора. Нарушение будет рассматриваться отдельно.

— А Дмитрий всё ещё безопасный выбор?

Мой вопрос останавливает его посреди движения. Очки остаются в одной руке, футляр — в другой.

— Я пришёл из-за записи, Кира.

— Удобно. Всё остальное можно вынести за скобки.

Он защёлкивает пустой футляр. Я знаю этот щелчок: сейчас отец начнёт говорить тем голосом, которым закрывает совещания. Но за стеной допрашивают Артёма, а в коридоре ждут сотрудники. Отец кладёт футляр на стол и, к моему удивлению, не начинает.

— Хорошо, — говорю я. — Что будет с записью?

Проверят участников совещания, систему комнаты и архив. «Вектору» направят отдельные требования; если компания не отдаст код сама, его изымут. Отец перечисляет действия, а я слышу, как он дважды проходит мимо имени Дмитрия.

Поднявшись, он наконец замечает пальто. Дёргает молнию, которая всё это время упиралась ему в подбородок, и у двери останавливается.

— Я не давал им номер терминала. И ничего не рассказывал Виктору.

— Я это запомню.

Он уходит, не дождавшись ничего теплее. Через минуту сотрудник заглядывает в пустой стакан отца, забирает его и ставит передо мной новый. В соседнем кабинете мне снова диктуют фамилии тех, кто знал о нас до юбилея. Я перебиваю на третьей: список короче. Две подруги слышали только имя Артём. Я ни разу не называла им фамилию и не обсуждала службу.

Про Дмитрия у меня есть не память, а файлы. Я пересылаю запись из «Севера», затем открываю его сообщение «Я предупреждал». Следователь читает дважды.

— Он знал о первой версии аудио заранее, — напоминаю я.

— Это проверяется. Но знание о публикации не объясняет доступ к закрытому совещанию.

— Не вычёркивайте личную линию только потому, что появилась техническая.

Мою просьбу записывают без обещаний. Дмитрия вызовут ещё раз, Виктора расспросят о сводке. Статуса подозреваемого ни у кого из них пока нет. Я повторяю это про себя, пока расписываюсь за возвращённый телефон.

Экран тут же покрывается уведомлениями. Одно из них объявляет неизвестную автору фразу доказательством «особой власти Воронцова». Другое сообщает, что Артём контролировал меня годами. Я вслух считаю наши три месяца и спрашиваю телефон, где он потерял остальные годы. Сотрудник у двери кашляет в кулак, скрывая смешок.

Артём выходит через два часа с заломом от маски на переносице. Его представитель остаётся за дверью вычитывать протокол. Здесь нас снимает внутренняя камера, мимо ходят сотрудники, поэтому Артём даже не тянется обнять меня. Его мизинец цепляет мой, как случайно.

— Что врач сказала про ребёнка?

— Сердце в норме. Врач сказала.

Он закрывает глаза на секунду, удерживая эту новость отдельно от всего остального.

У лифта нас догоняет специалист с результатом. Резервная запись цела, контрольная сумма совпала с карточкой. Фразу вынули из настоящего разговора и вставили в расширенную запись. Как добрались до оригинала, неизвестно.

Обычные пользователи к файлу не обращались. Специалисты снова проверяют SP-17, но полной статистики «Вектор» так и не прислал.

Домой мы возвращаемся поздно. У подъезда стоят журналисты. Сотрудник безопасности проводит нас через парковку, но вопросы долетают даже туда: «Кира, почему вы оправдываете давление?», «Полковник, вы заставили её забеременеть?» Артём идёт рядом и не ускоряет мой шаг. Я сама останавливаюсь возле двери паркинга и поворачиваюсь к камерам за решёткой.

— Запись исследуется. Я не буду комментировать служебные материалы. Но мои отношения добровольные, и перестаньте использовать моего ребёнка в заголовках.

Артём ничего не добавляет. Дверь закрывается, отрезая крики.

В квартире Артём выключает телевизор и только потом замечает тёмный экран. Я достаю из кармана снимок с УЗИ. Край немного помялся.

Мы крепим снимок к холодильнику, подальше от служебных бумаг. Артём поправляет его трижды. Я не останавливаю: ему нужно хотя бы одну вещь сегодня поставить ровно.

Потом на почту приходят проекты вопросов комиссии. Меня будут спрашивать о самоотводе, доступе к порталу, добровольности отношений и возможном участии в подготовке записи. Артёма — о знакомстве, служебных полномочиях и источниках фраз.

Утром нам приносят два официальных уведомления. Моё — от профессиональной комиссии экспертного центра. Артёма вызывают на отдельную служебную комиссию.

Глава 15. Ты даже не спросил меня

Два уведомления лежат на кухонном столе рядом со снимком ребёнка. Моё — в синей папке, Артёма — в серой. Сроки разные, формулировки разные, смысл один: явиться и доказать, что мы имеем право на собственную жизнь.

Артём перечитывает дату моей комиссии и ставит чайник. Я успеваю сделать половину бутерброда, когда на телефоне появляется сообщение от отца: «Нам нужно закончить разговор. Сегодня. Без сотрудников и протоколов».

— Он просит или вызывает? — спрашивает Артём.

— Для него это одна грамматическая форма.

Я показываю экран. Артём не предлагает поехать со мной и не просит остаться. Только заворачивает бутерброд в салфетку и кладёт в сумку, потому что вчера я забыла пообедать.

— Если захочешь уйти посреди разговора, уходи.

— Ты сейчас дал мне разрешение?

Он сдвигает брови, понимает, куда наступил, и молча добавляет в сумку яблоко. Я целую его в щёку. После последних дней способность взрослого мужчины вовремя промолчать кажется почти романтическим достоинством.

Отец ждёт меня дома. В квартире тихо, хотя обычно у него работает радио на кухне. На вешалке висит парадный китель после юбилея, упакованный в прозрачный чехол. Я задеваю его плечом, и медали глухо ударяются друг о друга.

На столе стоит кастрюля с куриным супом. Отец умеет готовить только его, зато варит столько, будто собирается кормить роту. Он уже разлил по тарелкам и нарезал хлеб одинаковыми ломтями.

— Сначала поешь, — говорит он.

— Я пришла разговаривать.

Отец подвигает ко мне тарелку.

— Разговаривать на пустой желудок ты не умеешь. Начинаешь кричать.

Я снимаю пальто и сажусь напротив. Суп пересолен. В детстве отец солил его дважды, если думал о работе, и я незаметно доливала воду. Сейчас беру со стола графин. Отец смотрит, как я порчу его единственное блюдо, но замечаний не делает.

Несколько минут мы едим. Ложка звякает о край тарелки, холодильник включается и замолкает. Я ждала обвинений в адрес Артёма, вопросов про комиссию, очередного требования переждать. Отец спрашивает только, что сказал врач.

— Сердце бьётся. Сроку соответствует.

Он кивает и опускает ложку. Пальцы у него сжаты слишком крепко.

— Я рад.

— Ты вчера даже не спросил.

Он проводит ложкой по дну тарелки.

— Вчера была утечка закрытой записи.

— В день юбилея утечки не было. Ты всё равно не спросил меня ни о чём. Люблю ли я Дмитрия. Хочу ли замуж. Знала ли вообще, что ты уже назначил мою помолвку.

Отец отодвигает тарелку. Обычно он начинает с обстоятельств: Орловы давно знакомы, Дмитрий надёжный, момент был удобный. Сегодня эти доводы остаются где-то у него за зубами.

— Я знал, что ты не любишь его, — произносит он.

Я ставлю графин слишком резко. Вода выплёскивается на скатерть и ползёт к хлебнице. Отец берёт полотенце, я накрываю лужу ладонью. Мы сталкиваемся пальцами и оба отдёргиваем руки.

— Повтори.

— Ты не любишь Дмитрия. Я это понимал.

Вода уже добралась до края салфетки.

— И объявил помолвку перед сотней людей.

Он вытирает стол, долго складывает мокрое полотенце в ровный квадрат. Мне хочется выдернуть его и бросить на пол. Пусть хоть что-нибудь здесь останется кривым.

— Я считал, что любовь придёт позже, — говорит отец. — Не всегда начинают с неё. Иногда сначала есть уважение, общие семьи, подходящая жизнь. Потом люди привязываются друг к другу.

— Ты выбирал мне мужа, как квартиру. Район хороший, стены ровные, со временем привыкнешь к виду из окна.

Отец бросает полотенце возле раковины.

— Не передёргивай.

— Тогда объясни без штабных слов.

Он поднимается, относит наши тарелки к раковине и открывает воду. Моет одну ложку, хотя посуду обычно оставляет до вечера. Я не тороплю. В эту квартиру я вернулась после шести лет в другом городе и сразу заметила: отец передвинул мои старые книги на верхнюю полку, но не выбросил ни одной. Он умеет хранить то, что любит. Только спрашивать у хранимого предмета его мнение не привык.

— Дмитрий молодой, — наконец говорит он. — У него штабная работа. Хорошая семья, понятная карьера. Он не ездит туда, откуда жене могут позвонить среди ночи.

— А Артём ездит.

Вода продолжает литься. Отец смотрит в тёмное окно над раковиной.

— Да.

— Значит, возрастом дело не заканчивается.

Отец выключает воду. Капля с ложки попадает ему на носок. Он смотрит вниз и садится так и с мокрой ногой.

— Помнишь моего брата?

— Фотографию помню. Вы возле машины, он щурится от солнца.

После той фотографии в альбоме шли два пустых кармашка. В детстве я решила, что снимки потерялись, и нарисовала туда кошек. Отец потом убрал рисунки, а страницы оставил пустыми.

— Он служил в оперативном подразделении, — говорит Сергей. — Перед выходом кто-то передал их маршрут. Группа приехала туда, где её уже ждали.

Отец снимает часы. Ремешок не поддаётся, приходится помочь ногтем. Я не спрашиваю, как именно погиб дядя. Сергей и без вопроса едва проталкивает следующую фразу.

— Его жена ждала ребёнка. Новость повёз я. Доехал, припарковался, а выйти не смог. Всё смотрел на её окна и думал, что сейчас нажму кнопку домофона — и у неё закончится прежняя жизнь.

Он замолкает. На кухне урчит холодильник, потом щёлкает реле. Отец кладёт часы рядом с хлебницей.

— Вот что ты видишь, когда смотришь на Артёма?

— Сначала вижу тебя у такой же двери. Потом ребёнка.

Я беру мокрое полотенце и несу к батарее. Значит, Дмитрий в отцовской голове действительно был выходом: молодой, штабной, с предсказуемыми командировками. Муж, после которого не останется ночной звонок. Отец пытался уберечь меня от истории, которая случилась задолго до моего взрослого выбора.

— Поэтому тебе не нравилась моя работа?

— Я боялся, что государственные материалы подтянут тебя ближе к операциям. А Воронцов уже там.

Он говорит «Воронцов» устало, без привычного нажима. Я прислоняюсь спиной к батарее и чувствую жар сквозь платье. Утечки не бывают страшилкой для непослушной дочери. Из-за них люди не возвращаются домой. Эта мысль останется со мной, даже если завтра оправдают Артёма.

— Мне жаль твоего брата. Правда. Теперь я знаю, откуда взялся твой страх.

Сергей сразу смотрит на меня. Я замечаю, как он собирается выдохнуть, и качаю головой.

— На моём решении это не сказывается.

Он снова берётся за часы, но ремешок выскальзывает из пальцев и стукается о стол.

— Кира...

— Ты мог рассказать мне это раньше. Мог спросить, готова ли я жить рядом с человеком, который рискует. Мог сказать, что тебе страшно. Я бы выслушала. Может быть, мы бы орали друг на друга, но это был бы мой разговор и моя жизнь.

Отец обхватывает ладонью запястье без часов.

— Ты бы всё равно выбрала его.

— Да. И ты решил, что поэтому разговаривать со мной бессмысленно.

Отец отворачивается. Я подхожу к вешалке и снимаю пальто. Чехол с кителем снова шуршит у плеча. Вечером юбилея отец вывел меня на сцену именно в этом кителе. Включил свет, подозвал Дмитрия, поднял бокал. Даже кольцо уже лежало у Орлова в кармане.

— Ты всё рассчитал, — говорю я. — Гости, камеры, твои сослуживцы, семья Орловых. Ты знал, что я не люблю Дмитрия, но надеялся: мне станет стыдно отказать перед всеми. Я не захочу унизить тебя в твой юбилей. Не решусь испортить праздник.

Отец долго смотрит на мокрое пятно на скатерти. Раньше он бы сказал, что я драматизирую. Напомнил бы, что желал мне добра. Приказал бы не путать заботу с давлением.

Сегодня он не прячется ни за одним из этих слов.

— Да, — говорит Сергей. — Именно это я и сделал.

Глава 16. До ребёнка

После его признания я не нахожу ответа. Хотела заставить отца увидеть, что он сделал. Теперь он видит, а победы нет. На столе остывает суп, отцовские часы лежат расстёгнутыми.

— Мне нужно идти, — говорю я.

Сергей кивает. Не просит остаться, не спрашивает про Артёма. В прихожей забирает у меня пальто и держит, пока я попадаю руками в рукава. Обычный жест выходит неловким: подкладка выворачивается, пуговица цепляется за волосы. Мы вместе освобождаем прядь и не смотрим друг на друга.

У лифта отец всё-таки зовёт меня по имени. Я оборачиваюсь. Он стоит босиком на пороге — домашние тапки остались возле кухни, — и кажется непривычно маленьким без кителя, кабинета и людей, готовых выполнить распоряжение.

— Береги себя, — говорит он.

— Я берегу. Просто не так, как ты выбрал бы за меня.

Двери лифта сходятся. Последним я вижу его руку на косяке, будто отец удерживает дверь квартиры, которая и без него никуда не денется.

До дома еду на такси. Бутерброд Артёма помялся в сумке, но я всё равно съедаю половину на светофоре. Водитель воспитанно не смотрит на женщину, которая вытирает слёзы яблоком.

Артём открывает раньше, чем я достаю ключ. Из квартиры пахнет запечённой рыбой. Бумаги комиссии сложены стопкой на краю стола.

— Разговор закончен? — спрашивает он.

— Начался. Для нашей семьи это уже событие.

Я разуваюсь и сразу наступаю на шнурок. Артём присаживается, распутывает узел и снимает с меня второй ботинок. Никаких вопросов, пока я не сажусь за стол и не выпиваю воду.

Потом рассказываю про брата отца: операция, утечка, беременная жена, дверь, перед которой Сергей не мог выйти из машины. Артём слушает, уперев локти в колени.

— Он никогда мне не говорил.

— Видимо, проще запрещать, чем объяснять.

Артём поправляет край стопки с документами.

— Иногда объяснение звучит как слабость. Особенно для него.

— Ты сейчас его защищаешь?

Артём качает головой. Он понимает отцовский страх лучше меня, потому что сам ездит в те самые ночные двери. Но понимание у него не превращается в оправдание.

— Он признал, что знал про Дмитрия, — говорю я. — Знал, что я его не люблю. Поставил меня на сцену именно ради того, чтобы я не смогла отказать.

— Ты смогла.

В его голосе появляется тепло.

— Очень деликатно. Всего лишь сообщила сотне человек о беременности от его лучшего друга.

Уголок его рта дёргается. Я впервые за двое суток слышу собственный смех. Он получается хриплым, и Артём тоже смеётся — тихо, уткнувшись лбом мне в плечо. Несколько секунд мы сидим так, пока рыба в духовке не начинает пахнуть слишком настойчиво.

Артём идёт на кухню, выключает нагрев и зачем-то проверяет все четыре ручки. Потом не возвращается. Шуршит ящик, звякает ложка, открывается дверца верхнего шкафа.

— Ты там прячешь десерт? — спрашиваю я.

— Хуже.

Он выходит с тем самым футляром. На юбилее я увидела золотой камень, но не поняла, что Артём предлагает мне. Он сказал отцу, когда купил кольцо, а меня ни о чём не спросил.

Сейчас он ставит футляр на стол и садится напротив. Не открывает сразу. Поправляет край салфетки, понимает, чем занят, и убирает руки под стол.

— Я репетировал, — признаётся он.

— Не верю.

Он постукивает пальцем по футляру.

— Поэтому и не заметно. На четвёртой попытке всё начиналось словами «Сергей, я собираюсь...».

— Это предложение мне или отцу?

Артём тяжело вздыхает.

— Вот на этом месте репетиция обычно заканчивалась.

Я накрываю футляр ладонью, но не открываю. В груди становится тесно от нежности и от страха, который отец только что назвал вслух. Любить оперативника — значит однажды услышать ночной звонок. Любить меня сейчас для Артёма — значит получить ребёнка, комиссии и войну с ближайшим другом в одном пакете.

Он придвигает стул ближе.

— Кира, кольцо я купил за неделю до юбилея. Тогда я не знал о ребёнке, об отчёте, о записи и о том, что Сергей решит женить тебя сам. Я знал только, что больше не хочу уходить отсюда утром и делать вид, будто мы случайно встречаемся вечером.

Я провожу пальцем по бархатной крышке.

— Почему ты не спросил в зале?

— Потому что за минуту до этого тебя уже пытались заставить сказать «да». И потому что ты сообщила мне о ребёнке. Если бы я открыл рот, никто из нас потом не понял бы, на что именно ты отвечала.

Он открывает футляр. Медовый камень ловит свет кухонной лампы. На витрине я назвала его неправильным и поэтому красивым. Артём запомнил.

— Я хочу жениться на тебе, — говорит он. — Хочу жить с тобой и спорить, какой кофе можно считать человеческим. Хочу научиться собирать кроватку, хотя инструкция наверняка будет составлена против меня. Хочу быть рядом с нашим ребёнком. Но последнее не обязывает тебя к первым двум пунктам. Если ты скажешь «нет» или «не сейчас», я останусь отцом и человеком, который тебя любит. Без счёта и без долга.

У меня за спиной тихо гудит холодильник. На нём висит снимок, который Артём утром снова поправил. Я вспоминаю юбилейную сцену: чужое кольцо, микрофон, готовый ответ за меня. Здесь нет свидетелей. Рыба остывает, на столе крошки от хлеба, Артём ждёт и не пытается угадать мой ответ первым.

— Ты забыл вопрос, — напоминаю я.

Он на секунду закрывает глаза.

— Кира Борисова, ты выйдешь за меня?

— Да.

Слово помещается между нами спокойно. Никто не аплодирует, музыка не включается, камера не ловит мой профиль. Артём выдыхает так, будто всё это время держал воздух, и только потом достаёт кольцо.

— Можно?

Я протягиваю левую руку. Он надевает кольцо слишком осторожно и хмурится, решив, что ошибся с размером. Я сгибаю палец — кольцо садится на место.

— Подошло.

— Я трижды менял размер. И да, дверца шкафа была легендой для штангенциркуля.

Я целую его прежде, чем он начнёт защищать легенду. Артём встаёт вместе со стулом, цепляется коленом за стол и едва не роняет футляр. Отец видел его человеком без лишних движений. Мне достаётся тот, кто сейчас не знает, куда деть руки.

Он подхватывает меня под бёдра, тут же вспоминает о беременности и ставит обратно.

— Я не стеклянная.

— Шесть недель назад я этого не знал и всё равно боялся уронить.

Я упираюсь ладонями ему в грудь.

— Очень лестно.

— Я не закончил комплимент.

Кольцо задевает его шею. Я проверяю, не оставила ли царапину, и нахожу только красную полоску от воротника. Артём целует меня ещё раз, а потом вспоминает про духовку. Рыбу мы едим остывшей, прямо из формы. Мой сок он наливает в бокал для вина и предлагает открыть дорогой чай, который я купила ради банки.

Я снимаю кольцо крупным планом и отправляю подругам. Первая звонит немедленно и кричит так громко, что Артём слышит её без громкой связи. Вторая присылает восемнадцать восклицательных знаков. Отцу я ничего не отправляю. Его приглашение дождётся даты свадьбы.

Пока подруга требует показать жениха в кадре, телефон Артёма ползёт по столу от вибрации. Мой следом подаёт голос. Марина Олеговна прислала ссылку: «Не открывай одна».

— Уже не одна, — говорю я и сбрасываю весёлый звонок.

На первой полосе — мой профиль возле клиники и заголовок про «служебную охоту полковника Воронцова». Я увеличиваю приложенный документ. Фальшивый отчёт о слежке. Ниже плеер с аудио, сведения о входе под моим именем, фотографии возле дома.

— Они вытащили даже опровергнутое.

Артём молча ведёт пальцем по стрелкам между блоками. Подписи уже всё решили за читателя: полковник следил за молодой дочерью начальника, подчинил её, а затем с её помощью спрятал нарушения. Беременность автор считает признаком власти. Мои слова о добровольных отношениях — признаком зависимости.

— Очень удобно, — говорю я. — Возражаю — значит, он заставил возражать.

Внизу лежат копии с настоящими печатями, кадры и куски аудио. Пакет собирали заранее; закрытая фраза просто стала лентой, которой его перевязали.

Моя фотография с кольцом ещё не успела уйти дальше двух подруг, но радость уже кажется вещью, которую надо прятать от чужих рук. Я переворачиваю телефон экраном вниз. Артём берёт мою левую руку и касается губами костяшек, не кольца.

— Сегодня они это не заберут, — говорит он.

В ту же секунду звонит его служебный телефон. Артём отвечает, называет фамилию и слушает меньше минуты. Его большой палец остаётся на моём кольце.

— Понял. Буду.

Он завершает вызов и кладёт телефон рядом с открытой статьёй.

— Утром меня вызывают к руководству.

Глава 17. Сдайте удостоверение

— Во сколько?

— К восьми.

На часах половина одиннадцатого. Между звонком и явкой остаётся ночь, за которую можно придумать сотню способов спасти карьеру. Позвонить отцу. Поднять старых сослуживцев. Попросить перенести решение до проверки SP-17. Артём закрывает статью и набирает номер своего представителя.

— Уведомление получил, — говорит он. — Буду сам. Ничего заранее согласовывать не надо.

После звонка достаёт из шкафа служебную сумку. Кладёт внутрь удостоверение, запечатанный носитель доступа и чёрный футляр. Оружие остаётся в сейфе до утра. Все движения привычные, только удостоверение он держит дольше положенного, проводит пальцем по потёртому краю и убирает фотографией вниз.

— Ты можешь позвонить отцу, — говорю я.

Артём поднимает на меня взгляд.

— Могу. Поэтому не стану.

— Он обязан держаться в стороне от решения. Но может хотя бы проследить, чтобы тебя не сделали виноватым заранее.

Артём застёгивает служебную сумку.

— Тогда он уже не в стороне. Если основания для отстранения есть, я пройду его на общих условиях. Если оснований нет, докажем без Сергея.

Я хочу спорить. Последние недели нас бьют чужими служебными возможностями, и честная игра начинает казаться роскошью. Артём достаёт из кармана мой помятый бутербродный пакет, выбрасывает его и замечает крошки на дне сумки. Вытряхивает их над раковиной. Полковник готов лишиться удостоверения, но не понесёт к руководству сырную крошку.

Мы ложимся после полуночи. Спать не получается. Артём лежит на спине и отсчитывает ударами пальца секунды на одеяле. Я переворачиваю его ладонь и прижимаю к животу, хотя ребёнок размером с ягоду и почувствовать там невозможно ничего.

— Вдруг тебя отстранят? — спрашиваю в темноте.

— Тогда временно не буду служить.

Его палец сбивается со счёта.

— Ты произносишь это так, будто речь о спортзале.

Он поворачивается ко мне. Свет от улицы ложится поперёк его лица.

— Если скажу, что мне не страшно, ты всё равно не поверишь. Мне страшно. Я восемнадцать лет просыпаюсь и знаю, куда должен прийти. Завтра могу выйти из здания без права вернуться. Но звонок Сергею этого не исправит. Только сделает меня человеком, который держится за службу его рукой.

Я придвигаюсь ближе. Кольцо цепляется за ткань его футболки, и Артём освобождает нитку ногтем.

— Ты держишься своей, — говорю я.

— Сейчас ещё твоей.

Утром он бреется, надевает форму и завтракает двумя ложками каши. Я тоже собираюсь, хотя Артём повторяет, что могу остаться дома. Комиссия начнётся позже, а мужчины уже предлагают мне наиболее разумное место.

— Я подожду снаружи.

— Там холодно.

Я натягиваю перчатки и показываю ему средний палец. Артём проверяет, не видит ли жест соседка на лестнице, и впервые с ночи улыбается.

Мы приезжаем без десяти восемь. Возле административного корпуса уже стоит съёмочная группа, ещё две машины ждут у бокового въезда. Артём выходит через главный вход. Не ускоряется и не заслоняет лицо. Я иду рядом до рамки, где посетителей отделяют от сотрудников.

Дежурный сверяет мой паспорт со списком и оставляет в общем холле. Артёма ведут за матовую дверь. Сквозь стекло видны плечи и руки. Он снимает кобуру, ждёт, пока сотрудник проверит номер, расписывается. Чёрный футляр уносят. Артём машинально тянется застегнуть ремень и находит пустое место.

Мне остаются пластиковые кресла, кофейный автомат и телевизор без звука. На экране ведущая показывает нашу вчерашнюю статью. Я выключаю телевизор кнопкой на корпусе.

— Я смотрел, — недовольно сообщает мужчина через два кресла.

— Там про моего жениха. Могу пересказать с ошибками авторов.

Он изучает меня, пустой экран и пересаживается ближе к окну.

Артём молчит сорок минут. Потом пишет: «Начали». Спустя час: «Ждём решение». Я сама открываю чат с отцом. Над строкой для ответа висит вчерашнее «Береги себя». Можно нажать вызов, произнести две фразы — и Сергей уже будет знать, кто заседает и какие вопросы задают. Я убираю телефон в карман.

Около одиннадцати приезжает представитель Артёма. Проходя рамку, успевает бросить мне: увольнять до результатов проверки не собираются. Я киваю. Возле стойки в это время заклеивают большой конверт и прикладывают к нему опись.

В полдень матовая дверь открывается. Артём выходит без кобуры и крепления для удостоверения. Китель сохранил форму, а взгляд всё равно цепляется за пустую левую сторону. В руках у него три листа, сложенные неровно.

— Временно отстранён от исполнения обязанностей, — говорит он. — До завершения служебной проверки.

— Доступ?

Он касается пустого крепления на кителе.

— Заблокирован. Удостоверение, носитель и оружие сдал по описи.

Я разворачиваю лист. Решение объясняют общественным резонансом, проверкой ресурсов и необходимостью закрыть влияние на материалы. Слова «виновен» нигде нет. Артём всё равно проводит пальцем по месту, где утром висело удостоверение.

— Ты сам приехал, всё отдал, никому не звонил, — говорю я. — Они это хотя бы записали?

— В протоколе есть время явки.

Представитель выходит следом. Если процедуру нарушат, решение обжалуют; сегодня зацепиться не за что. За стеклянными дверями нас замечают журналисты. Операторы поднимают камеры.

— Пойдём через боковой, — предлагаю я.

— Тогда они напишут, что я сбежал.

За дверями кто-то уже стучит микрофоном в стекло.

— Если выйдем через главный, напишут, что ты демонстрируешь безнаказанность.

Артём складывает копию вдвое и убирает во внутренний карман.

— Выбирай, что тебе меньше надоело.

Мы выбираем главный. Ещё до порога спрашивают, сдал ли Артём оружие и почему генерал покрывает друга. Он сообщает об отстранении и сотрудничестве с проверкой, после чего замолкает. Я иду рядом, не берусь за его руку. Для чужой картинки сегодня годится любой жест.

У парковки из толпы выскакивает курьер центра. Красный шарф размотался и тянется за ним; раньше он привозил мне запечатанные накопители. Сегодня в прозрачной папке лежит моя фамилия.

— Марина Олеговна просила вручить под подпись, — говорит он, тяжело дыша. — Вы телефон не берёте.

Телефон остался без звука. Ручка курьера не пишет на холоде, я грею стержень между ладонями и расписываюсь на капоте. До комиссии мне запрещают исследования с государственными материалами. Объекты нужно передать другому эксперту, доступ уже закрыт.

— Частные заказы остаются, — торопливо добавляет курьер. — Это не увольнение.

Второй раз за десять минут меня утешают отсутствием увольнения. Артём остаётся в форме, я — в штате. У него забрали оружие и вход, у меня половину работы. Пустых мест хватит на двоих.

Артём закрывает собой лист от камер и читает до последней строки.

— Поедем в центр. Передашь материалы по описи.

— А ты?

Он забирает папку у меня из рук.

— Буду рядом.

Обещаний, что всё скоро вернётся, нет. Хорошо.

Курьер прячет неработающую ручку, но не уходит. В папке остался второй конверт, без логотипа центра.

— Это просили передать сотрудники проверки. С вами свяжутся отдельно.

Внутри лежит вызов и выписка из технического заключения. Спорную запись открыли до публикации. Время — до минуты, пользователь — я. Вход снова пришёл через внешний шлюз.

— Мы зна

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.